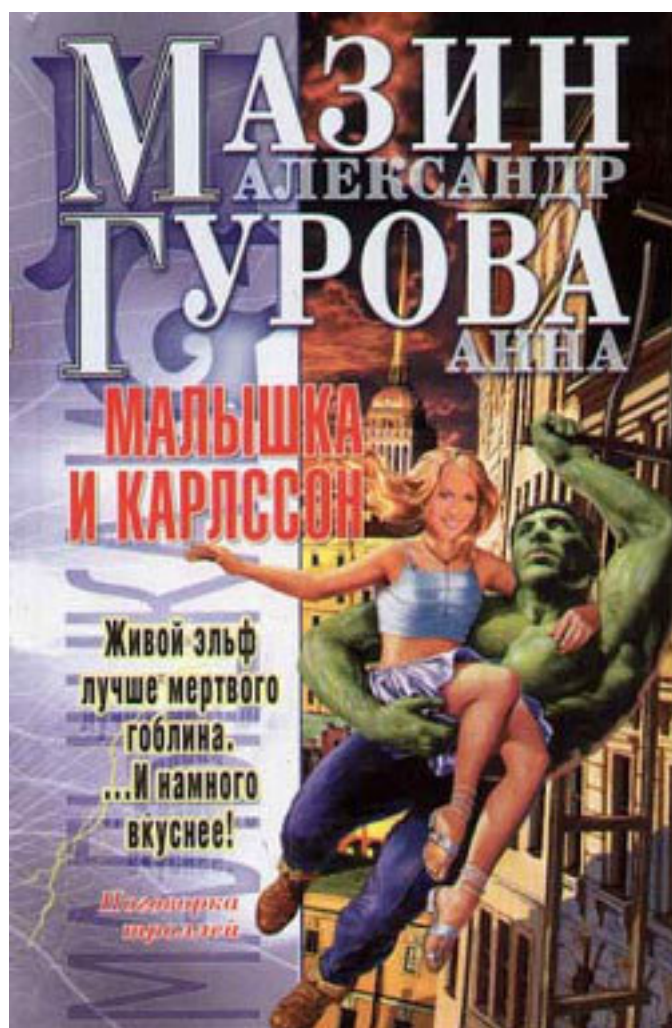

МАЗИН АЛЕКСАНДР ГУРОВА АННА

МАЛЫШКА И КАРЛССОН

Живой эльф
лучше мертвого
гоблина.
...И намного
вкуснее!

*Воскресение
персонажа*

Малышка и Карлссон

Александр Мазин

Малышка и Карлссон

«Автор»

2005

Мазин А. В.

Малышка и Карлссон / А. В. Мазин — «Автор»,
2005 — (Малышка и Карлссон)

Ее зовут Катя. Ей – семнадцать. Она приехала в Питер из Пскова – поступать в университет. Его зовут Карлссон. Его возраст неизвестен. Он ловит руками голубей, знает староанглийский язык и умеет лазать по вертикальным стенам. Сначала она думает: он – киллер... Потом: он – сотрудник некоей секретной службы... Действительность оказывается намного страшнее. И намного интереснее...

© Мазин А. В., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Пролог	5
Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	14
Глава четвертая	18
Глава пятая	22
Глава шестая	28
Глава седьмая	31
Глава восьмая	37
Глава девятая	41
Глава десятая	45
Глава одиннадцатая	49
Глава двенадцатая	56
Глава тринадцатая,	60
Глава четырнадцатая,	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Александр Мазин Анна Гурова Малышка и Карлссон

Пролог

Скрипнула оконная рама, затем раздался негромкий шлепок об пол, еле слышный. Спрыгнувший с подоконника был нечеловечески ловок.

За окном было темно. Ночь.

В квартире еще темнее, но влезший в окно в свете не нуждался.

Тот, к кому он пришел, – тоже.

– Я здесь, – раздалось из глубины квартиры.

Пришедший пересек комнату и вышел в коридор. Ему пришлось наклониться, чтобы не задеть притолоку.

Хозяин ждал в соседней комнате.

– Принес? – спросил он.

– Нет, – гость опустил на корточки. Теперь его глаза были на одном уровне с сидящим на диване хозяином.

– Почему?

– Это не та.

– Я решаю, та это или не та, – негромко произнес хозяин.

– Ты сам сказал: светловолосая девица, юная, не старше двадцати, а этой почти тридцать, и волосы крашенные.

– Ты уверен?

– Я видел тело. Близко.

– Насколько близко?

– Близко. Я принес тебе волосы.

– Мне не нужны волосы мертвой девушки, – недовольно произнес хозяин. – Мне нужен след.

– Это большой город, – проворчал тот, кто пришел. – Здесь каждый день умирает множество людей.

– Юная девица со светлыми волосами, – сказал хозяин. – Разве таких много среди свежих мертвецов?

– Среди живых – больше, – тот, кто пришел, облизнул губы.

– Живых оставь мне, – отрезал хозяин.

– Я голоден, – напомнил гость.

– Я тоже, – холодно произнес хозяин. – Иди. И принеси то, что мне нужно. Ты будешь вознагражден.

Гость поднялся и бесшумно выскользнул из комнаты.

Хозяин посмотрел в запыленное окно. Там было темно – белые ночи наконец кончились. Хозяин не любил белые ночи. Особенно те, которые приходились на солнцеворот.

Глава первая

О том, как Катю предали партизаны

Как-то утром один шотландский тролль спустился к озеру – поискать утопленника на завтрак. Но вытянул вместо утопленника золотую рыбку.

– Отпусти меня, тролль, – просит рыбка. – Отпустишь меня – будут тебе три желания.

Поглядел тролль на рыбку: мелкая, да вдобавок еще металлическая. Только зубы портить... И выбросил ее обратно в озеро.

– Эй! – кричит из озера рыбка. – А три желания?

Тролль брюхо почесал, подумал.

– Ну, – говорит, – ты совсем обнаглела! Ладно, загадывай!

Катя почему-то ожидала, что экзаменаторов будет не меньше пяти человек, однако экзамен принимали всего двое: тетка средних лет с худым замученным лицом и какой-то чернявый парень – наверно, аспирант или вообще старшекурсник, который с ходу обозвал Катю «куколкой», непрерывно ей подмигивал, а принимая экзамен, только что ноги на стол не клал. Вступительный экзамен по истории России и СССР проходил в административном корпусе Педагогического университета имени А. И. Герцена, огромном, сумрачном старинном здании. В аудитории сидели, готовясь, человек пять, остальные психовали в коридоре.

Катя зашла, почти не нервничая, поздоровалась, назвала фамилию.

– Тебе сколько лет, куколка? – весело спросил чернявый, отмечая ее в списке.

– Семнадцать, – буркнула Катя. – Там же написано.

Собственная внешность (а Катя была изящной миниатюрной блондинкой) создавала девушке массу проблем.

Одно дело, когда тебе тридцать, а ты при этом маленькая, белая и пушистая, и совсем другое – в семнадцать выглядеть на пятнадцать...

«В следующий раз скажу „десять“, – подумала она. – Пусть удивляются, какая я умная для своих лет».

– Тяните билет, Малышева, – утомленно сказала тетка.

Катя вытянула, прочитала вопрос и опешила. «Партизанское движение в 1941 – 1945 гг.».

«Мы же этого не проходили!» – едва не вырвалось у нее, но в последний момент она сдержалась и молча пошла на свое место.

«Ну я и влипла, что за невезение!» – молча возмущалась она, рисуя бессмысленные закорючки на листе черновика. Как можно вообще включать в экзаменационные билеты вопросы, которых не было в учебнике? А если и были, то исключительно «почитать для общего ознакомления». Вот и почитали. Теперь Катя сидела и мучительно вспоминала все, что когда-либо в своей жизни слышала о партизанах. Выяснялось, что слышала немного. Жили в лесу. Нападали на тылы врага. Враги их ловили и вешали. Из конкретного – всё, пожалуй.

Самое обидное, что историю ВОВ Катя знала очень хорошо. Могла в подробностях рассказать и про «блицкриг», и про наступление 42-го, и про контрнаступление 43-го, и про «ни шагу назад», и про «десять сталинских ударов», про что угодно... а проклятые партизаны как-то выпали.

Какой идиот вообще придумал сделать вступительным на иняз историю? Кому она нужна? Почему, в таком случае, не физику или ОБЖ? Зачем ей, будущему переводчику, знать основные методы партизанской войны в лесистой части СССР? На ум не приходило ничего,

кроме дурных анекдотов: «Как это – война тридцать лет как кончилась? А чьи же тогда паровозики мы под откос пускаем?..»

Катя, выждав момент, когда на нее никто не смотрел, обернулась к соседу, русокудруму толстячку в футболке с жизнеутверждающей надписью «Shit happens»:

– Партизанское движение, хоть что-нибудь!

Парень посмотрел на нее круглыми голубыми глазами, подумал и выдал:

– Чем дальше в лес, тем толще партизаны.

Катя с возмущением отвернулась, прошипев: «Придурок!» Сосед, довольный своим остроумием, захихикал.

– Малышева, вы готовы? – спросили из комиссии.

– Еще минутку, – выдавила Катя, покрывшись холодным потом.

– Вспомнил – Робин Гуд! – послышался шепот остроумца. Катя сначала не поняла, о чем он. Потом, уничтожив его взглядом, подумала и написала на листке: «лесные засады» и «жестокое казни».

– Герильяс! Че Гевара! – шипел сзади кудрявый, продолжая издеваться. Впрочем, может, он искренне хотел помочь. С глубоким вздохом Катя написала «герильяс». Ниже добавила: «„Свобода или смерть!“ – типичный партизанский девиз».

– Девушка, ваше время вышло!

Катя пошла к столу экзаменаторов, как на казнь.

«Главное – не молчать, – думала она, – Говорить что угодно, только никаких пауз!» Во всяких памятках для абитуриентов писали, что нельзя говорить «не знаю», надо «затрудняюсь ответить» или «этот вопрос настолько сложен, что не имеет однозначного ответа»... Вспомнив еще одну рекомендацию для абитуриентов – «если не знаешь заданного вопроса, отвечай на тот, который знаешь», Катя откашлялась и уверенным голосом начала издали:

– Партизанское движение. 22 июня 1941 года гитлеровская Германия напала на СССР. Германским командованием была разработана концепция «блицкриг», или «молниеносная война», предполагающая захват СССР в течение двух недель...

Минуты три Катя красочно, со множеством подробностей описывала события первых недель войны. На четвертой минуте тетка очнулась и сказала:

– Ближе к теме.

– Да. Вот такие планы были у немецкого командования. Но поскольку они сорвались по вышеуказанным причинам, то война перешла в затяжную фазу. Тогда и возникло партизанское движение...

Катя перевела дух и отважно бросилась в омут:

– Партизанское движение существовало во все времена и во всех странах мира. Традиции партизанского движения уходят корнями в далекое Средневековье – достаточно вспомнить такую полулегендарную личность, как Робин Гуд... Само слово «партизан» имеет французское происхождение. А, например, в Латинской Америке партизан называли «герильяс»...

– Ваш вопрос – партизанское движение в СССР, а не в Латинской Америке, – строго заметила тетка, которая, кажется, заподозрила неладное. Катя в отчаянии пустилась в абсолютную лирику:

– Обросшие, бородатые воины наводили страх на регулярные части вермахта, пуская под откос поезда, взрывая мосты, устраивая засады на лесных дорогах... С ними безжалостно расправлялись...

Чернявый экзаменатор глянул на Катин черновик и мерзко ухмыльнулся.

– Ну хорошо. В лесах – засады, я поняла, – терпеливо произнесла тетка. – А что из себя представляло партизанское движение в центральной и южной частях СССР?

– Там его не было, – наугад ляпнула Катя. – За отсутствием лесов.

– А как же «Молодая гвардия»? – удивилась тетка. – По литературе ведь наверняка читали?

– Мы ее сейчас не проходим, – нашлась Катя. – Она морально устарела.

Тетка обиделась за «Молодую гвардию» и несколько минут, приводя цитаты, доказывала, что это произведение вечное и что героизм не устаревает. Катя безропотно слушала и запоминала.

– А что вы можете сказать о партизанском движении в Крыму? – продолжала мучить ее тетка.

– Там было то же самое, что и на Кубани. Поскольку уходить было некуда, то молодежь создавала в городах подпольные организации...

– Нет, не то же самое! – тетка, похоже, разозлилась. – Вы «Улицу младшего сына» читали?

– Да кто сейчас такие книги читает? – заступился за Катю парень.

– А почему бы и не почитать? Если только так можно заставить этих недорослей познаться с собственной историей?

– Их история – это «Человек-паук», – возражал чернявый. – В лучшем случае – «День независимости».

Тетка, морщась, отмахнулась от коллеги и сказала:

– Последний вопрос. Назовите основных лидеров партизанского движения.

– Великой Отечественной?

– Да, конечно!

– Как, всех лидеров?

– Ну, не всех. Только самых крупных.

– А из каких регионов? Лесных, степных?

– Слушай, не тани время, называй, кого помнишь, – дружелюбно сказал чернявый.

– Ну, на такой обширный вопрос трудно сразу дать однозначный ответ...

Катя морщила лоб, старательно изображая работу мысли. Но в памяти искать было нечего. Когда просят назвать имена, тут «герильясами» не отделаешься.

– Хоть одного назовите, – устало сказала тетка. – Одно имя, и я, так уж и быть, поставлю вам «три» за общую эрудицию.

«Как три?» – испугалась Катя. Она-то рассчитывала минимум на четверку. Она ведь так гладко отвечала, так много всего рассказала, ее так долго слушали...

– Ну?

Рука экзаменаторши потянулась к ведомости.

– Че Гевара, – быстро сказала Катя. Больше ни одного партизанского имени ей на ум не пришло.

В аудитории раздался жизнерадостный хохот. Смеялись все, кроме тетки. Та что-то писала в ведомости.

– Не знает вопроса, – равнодушно сказала тетка, передавая ведомость коллеге. – Абсолютно.

– Плывет, – согласился парень. – Ну что, на этот раз «неуд». Эй, ты чего, плакать собралась? Да ну, перестань! Это ж не конец света, в армию тебя не загребут, запишись на подготовительные курсы и приходи на следующий год...

Глава вторая

Катя попадает на вечеринку и знакомится с «Кровавой Мэри»

– Я нашел отличный способ напиваться на халяву – говорит один тролль другому.

– Это как?

– Приходишь в гости в эльфа́м или людшка́м и говоришь: «Что-то я нынче никак решить не могу: то ли выпить мне, то ли закусить?»

И все тут же бегут к тебе с дармовой выпивкой.

Катя вышла из аудитории, кусая губы; потом бродила по этажу, ожесточенно хмурясь и бормоча «наплевать»; долго смотрела бессмысленным взглядом в какое-то окно; и в конце концов, выйдя во двор, села на поребрик и тихонько заплакала.

Через некоторое время к ней подкатился давешний придурок.

– Наплюй на них! – заявил он. – Подумаешь – «неуд»! На договорное перекинь документы и не парься. А здорово ты их грузила! Че Гевара, это круто!

Катя подумала, что он издевается, но кудрявый толстячок говорил абсолютно искренне.

– Кончай реветь, короче! Пошли оттягиваться!

Парень Кате не нравился, но идея возвращаться в общежитие, собирать вещи и готовиться к отъезду домой ей нравилась еще меньше. Поэтому она сказала: пошли.

Спустя полчаса Катя уже шла куда-то в компании незнакомых и полужнакомых абитуриентов, которые шли нестройной толпой по Невскому, громко галдя и перегородив весь тротуар. Ядро компании составляла группа из пяти человек – две девчонки и три парня, как выяснилось, бывшие одноклассники, поступавшие с гарантией, – из договорного класса. Для них сегодняшний экзамен был последним, и они могли уже считать себя зачисленными. Это дело они и собирались отмечать и приглашали всех желающих, каковых нашлось предостаточно. Всем было, что праздновать. Кроме Кати.

Компания миновала Казанский собор и свернула налево, на канал Грибоедова. Возле Спаса на Крови свернули еще раз, зашли в супермаркет и закупили всякой всячины. В пешеходной зоне на Малой Конюшенной компания остановилась у роскошной кованой решетки. Кудрявый остроумец – его, как выяснилось, звали Сережа – набрал код на замке, и будущие студенты, проникнув во двор, столпились перед тонированной стеклянной дверью. Сережа открыл ее своим ключом и с поклоном предложил всем заходить.

– Обувь снимайте при входе! Тут как в Японии! – крикнул он.

Катя слегка растерялась. Она думала, что они идут к кому-то в гости, но то место, где они оказались, меньше всего напоминало квартиру в традиционном смысле слова. Это было только что отремонтированное, совершенно пустое полуподвальное помещение. Все стенки в нем были зеркальными, а пол устлан серым войлоком. Потолок был, как созвездиями, усеян крошечными лампочками. Под потолком виднелись узкие окна, за которыми мелькали ноги прохожих. В подвале царил загадочный полумрак.

«Может, так живут питерские богатеи?» – подумала Катя. Она была заинтригована. Как там называется этакое богемное жилье без мебели и внутренних стенок – студия?

Гости разбрелись по подвалу. Почти никто не заинтересовался интерьером. Гораздо больше всех занимало содержимое пакетов с едой и выпивкой.

– Это ваш дом? – преодолев смущение, спросила Катя у Сережи.

– Ну ты сказала! – развеселился Сережа. – Дом! Офис здесь будет. Или бутик. У меня отец занимается субарендой недвижимости. Вот доделает ремонт – и сдаст.

– Теперь уже не сдаст, – сказал кто-то, – потому что завтра тут останутся только живописные руины.

– Только попробуйте! – всполохился Сережа. – Эй, слышите меня все! Чтобы ни одной царапины! На пол не плевать, ничего не ронять и не проливать! Наташка, ты совсем ошизела – хлеб на газетке режь! Курить на улице, окурки перед входом не бросать!

Вскоре девчонки накрыли «стол» – как в турпоходе, расстелили газету и заставили ее пластиковыми тарелочками с нарезкой, овощами, банками с консервами и прочей снедью. Выпивки тоже было припасено немало, самой разной, от водки до мартини.

– Ну чё, за экзамен! – объявил первый тост Сережа.

У Кати мгновенно испортилось настроение. Пить, есть и вообще участвовать в чужом празднике жизни ей сразу расхотелось. Она сидела на мягком полу, рассматривала веселящихся абитуриентов и думала о своем мрачном будущем.

«Им хорошо, – думала Катя. – Они, считай, уже поступили. Будут вместе учиться, ходить друг к другу в гости, передружатся, будут влюбляться друг в друга. А я тут в первый и последний раз. Завтра соберу вещички – и домой, в Псков».

Может быть, еще не поздно подать документы в Псковский педагогический. У мамы там, кажется, даже были знакомые. Катя как наяву увидела здание института – коричневый пятиэтажный колосс в стиле «провинциальный сталинский ампир» с памятником «Ленин, швыряющий кепку в реку Пскову» перед главным входом. В Псковский педагогический пошли многие ее одноклассники – те, что без особых амбиций. Не самое плохое учебное заведение. Мама его заканчивала. Но мама же с девятого класса настраивала дочку на то, что Псков для нее, такой способной и умной, тесен и убог; что она обязательно должна учиться в Петербургском университете.

Мысли о Пскове вызвали в Катиной душе прилив ярости. Нет, куда угодно, только не домой. Позорище-то какое, на всю оставшуюся жизнь! Вернуться – значит расписаться в том, что неудачница. Мама будет ужасно разочарована. Зачем, скажет, на курсы английского тебя отдавали, да еще на такие дорогушие. А папа, наоборот, одобрит – ну и молодец, нечего тебе делать в Питере, сиди-ка ты под крылышком у родителей.

Катя поступит в местный пед, пойдет учительницей в школу, выйдет замуж и будет пахать, как родители, год за годом, до самой смерти... Стало так обидно, что слезы навернулись на глаза.

– Правильное образование – это 90 процентов жизненного успеха! – заявила безапелляционным тоном какая-то девчонка, перекрывая шум болтовни.

– Иняз – лучший факультет Герцена, – заметил кто-то.

– Не лучший, а единственный более или менее приличный, – пренебрежительно бросила девчонка. – Хоть английский будем знать. А уж с английским я не пропаду.

Катя присмотрелась к говорившей. Это была темноволосая, кареглазая, довольно красивая девушка, которая казалась старше, чем прочие ребята, – может быть, из-за манеры вести себя или одеваться. Особенно Катю поразили ее сапоги: леопардовые, на золотистых шпильках, украшенные свисающими с голенищ цепочками.

– Это кто? – шепотом спросила она Сережу.

– Лейка, из нашего класса, – ответил он, глянув на брюнетку.

Девушка со странным именем Лейка тем временем распространялась о том, как трудно нынче найти хорошую работу, особенно выпускнику педагогического института.

– Не в школу же, в самом деле, идти! – с глубокой убежденностью воскликнула она.

Такой неприкрытый цинизм насмешил Катю, хотя она тоже после иняза преподавать – во всяком случае, в школе – не собиралась.

– А я видела вчера в «Макдоналдсе» такую газету – «Карьера»,– заявила круглолицая темноглазая девочка, сидевшая напротив Кати.– Я заглянула – там полно отличных вакансий...

– Искать работу через газету или Интернет – это для лохов,– возразил длинный парень с другого конца стола.– Я вот слышал про рекрутинговые агентства. Отправляешь туда свое резюме, садишься и ждешь.

– Только его надо правильно составить. Это целая наука – составлять резюме! – с жаром подхватила темноглазая девочка и начала рассказывать о том, как составлять резюме. Кате показалось, что она где-то это уже читала, причем совсем недавно.

– Все это ерунда – собеседования, конкурсы, резюме,– отрезала Лейка.– Нормальную работу находят только через знакомых. А в нормальную фирму не берут с улицы. Так что обзаводитесь связями.

– А вы не знаете, на какую работу может рассчитывать человек без образования? – неожиданно спросила Катя.

На мгновение все замолчали.

– Я решила пойти на подготовительные курсы,– пояснила она, застенчиво улыбаясь Лейке и темноглазой девочке.– И одновременно устроиться на работу.

– Это та, которая сегодня про Робин Гуда бредила,– громким шепотом сообщил кто-то на дальнем конце стола.

Катя покраснела.

Лейка несколько секунд разглядывала ее, словно диковинное насекомое.

– Ты иногородняя, что ли?

– Из Пскова.

– А жить ты где будешь? У родственников?

– У меня тут родственников нет.

– Папа квартиру купит?

Катя отрицательно покачала головой. Если бы у папы были такие деньги, он бы в первую очередь заплатил этой тетке из комиссии. Хотя нет, не заплатил бы. Папа у Кати принципиальный.

Катя в глубине души подозревала, что он считает: женщин образование только портит.

– Пусть поступает сама, если приспичило,– сказал он, еще когда мама намекала насчет знакомств в Псковском педагогическом.– Мы сами поступали, и она поступит.

– Но сейчас же совершенно другое время,– говорила мама.– Без денег никуда...

Вот поэтому Катя не стала даже пытаться поступить в универ. А что толку?

– Я сама сниму квартиру,– заявила она.

Лейка смотрела на Катю, как на дурочку:

– А деньги откуда возьмешь?

– Я же говорила – устроюсь работать.

Лейка покачала головой:

– Без образования? Ну-ну. Кем? Контролером в троллейбус?

– Лучше спонсора себе найди,– дружески посоветовал длинный парень, с интересом поглядывая на Катю.– Как же так – чтобы такая красивая крошечка, и без спонсора? Вон, моя сестра рассказывала, что ее подругу один мужик всё в Москву с собой звал – квартиру обещал купить и турфирму...

– А турфирму-то зачем?

– А чтобы не скучала. Сидит девушка дома целыми днями, скучает, всякие мысли появляются легкомысленные...

– Да это он так, обещал... – с оттенком легкой зависти заметила Лейка.

– Она сама отказалась. Этот спонсор, говорит, женатый был. В общем, не перспективный...

– Ты знаешь, сколько стоит сейчас в Питере снять квартиру? – перебила его Лейка, снова обращаясь к Кате. – А какая зарплата у кондуктора?

– Почему обязательно кондуктора... – неуверенно сказала Катя и задумалась.

Лейка тоже задумалась.

– Эй, никто не сдает комнату дешево? – вдруг громко спросила она.

Никто не отозвался – все были заняты своими разговорами.

– Ступай ко мне жить, – предложил вдруг длинный парень. – Почти бесплатно... не считая денег, ха-ха.

– Сережка, у тебя же отец недвижимостью занимается, – не сдавалась Лейка.

– Да ты что! – испугался Сережа. – У него только офисы от ста квадратных метров...

– Не надо, – уныло сказала Катя. – Я сама найду, по объявлению.

– Никого не слушай, все будет ништяк, – подбодрил ее Сережа. – Хватит тут сидеть как на похоронах. Мартини хочешь?

Остаток вечера запомнился Кате не очень хорошо. Болтали, пили и ели, ходили за добавкой; на обратном пути кто-то пытался нырнуть в канал Грибоедова, ныряльщика ловили за штаны, и всем было очень весело. Вернувшись, пытались устроить танцы, но большинство парней напились настолько, что с трудом стояли на ногах.

Потом снова сидели на полу и, кажется, играли в «мафию». Захмелевшая Лейка, заиклившись на квартирном вопросе, учила Катю жизни:

– Запомни раз и навсегда – если отец купит тебе квартиру, ни в коем случае! ни за что! не прописывай туда никаких мужиков! А то они так и норуют! Только об этом и думают! Думаешь, ты им нужна? Так только дуры наивные считают. Нет, деньги папочкины!

В какой-то момент прибежал Сережа и сообщил:

– Вспомнил! Есть у папаши один офис. Абсолютно неликвидный, хотя и центр, окна на Невский. Пол кривой, стены кривые, потолок течет, а чинить нельзя, потому что мансарда, и надо менять всю крышу. Дом хороший, из старого фонда... Все квартиры ушли, а эта уже полгода висит, отец на нее рукой махнул. Сложил там какое-то барахло... Ну, там и жить можно. Плита, холодильник... По-моему, даже компьютер старенький стоял... Я скажу отцу, что ты платить не можешь. Но хоть присмотришь. Может, он тебя зачислит – офис-менеджером. Чисто номинально. Для уверенности, чтобы не просто девушка с улицы. Хотя воровать там вообще-то нечего...

– ...Какая хорошая девушка эта Лейка! – заплетающимся языком говорила Катя темноглазой.

Они стояли (темноглазая курила, а Катя просто стояла – за компанию) перед стеклянной дверью.

Полированные мраморные ступеньки были заплеваны и засыпаны окурками, но Сережа по этому поводу не высказывался, поскольку давно уже уснул в уголке прямо на полу. Несмотря на двенадцатый час, на улице было совсем светло. На бледно-голубом небе висела огромная яркая луна.

– Такое странное имя – Лейка...

– Вообще-то она Лейла, – уточнила темноглазая. – Но ее с первого класса Лейкой зовут. Все привыкли, и она тоже.

Темноглазая еще что-то говорила, но Катя ее перебила:

– Я говорю: хорошая она, ваша Лейка! Помогла мне найти жилье, абсолютно бескорыстно!

– Ха! – фыкнула темноглазая, качнулась, едва сохранив равновесие. – Бескорыстная! Будешь теперь сидеть сторожем на чердаке с дырявой крышей. А у Лейки, между прочим, своя квартира есть, трехкомнатная, – продолжала темноглазая с откровенной завистью. – Она там сейчас одна живет – родители уехали! Небось к себе тебя жить не пригласила...

Потом Катя обнаружила, что на улице (надо же!) – все-таки стемнело!

Последнее воспоминание: всё, как в тумане, а из тумана голос толстого Сережи:
– ...А «Кровавая Мэри» делается так...

Глава третья

Катя просыпается в новом жилище и знакомится с «бандитом-целителем» по имени Карлссон

Однажды пасмурным утром девушка по имени Трутти-Корзинка-со-сладостями подошла к подножию полого холма в окрестностях города Ювяскюля и увидела там здорового красноногого тролля, ковыряющего в зубах кочергой.

Трутти-Корзинка-со-сладостями в смущении остановилась.

– Простите, – пробормотала она. – А разве здесь не эльфы живут?

– Жили, – прокричал тролль и сплюнул под ноги железную стружку. – А теперь тут офис.

Катя открыла глаза и увидела над собой потолок. Потолок нависал как-то неестественно низко. Так близко, что можно было рассмотреть все трещины, черные пятна плесени, отслоившиеся чешуйки мела и серые комья паутины. Из широкой трещины вылез мохноногий паук и побежал по потолку. Катя следила за ним, как зачарованная.

«Надеюсь, он не упадет мне на лицо», – промелькнула мысль.

Паук оправдал надежды. Он добежал до стены, располагавшейся по отношению к потолку под необычным тупым углом, забрался в гущу роскошной паутины и затаился. У паука начался рабочий день.

«Где это я?» – подумала Катя.

Голова соображала плохо, да и болела к тому же.

Не дома, это точно. Всё незнакомое: косой потолок, три окна в ряд, посередине – балконная дверь; паркет совсем разбитый, какой-то серый; на одной стене следы недоделанного ремонта, на другой – обрывки древних обоев. Большая пустая комната неправильной формы. Из мебели только стул, на котором висит ее одежда, и тахта, на которой и лежит Катя.

Все окна раскрыты. Стекла в них – закопченные до полной непрозрачности. Снаружи – обычный уличный шум: автомобили, шаги и голоса. Громкое курлыканье голубей.

«Я в Питере, – напомнила она себе. – Но это что за гадюшник? И как я здесь оказалась? Кто меня сюда притащил? И, кстати – кто меня раздел?»

Нет, раздевалась она вроде сама. Имеется такое смутное воспоминание.

Ничего себе, приключеньце! Такого с ней прежде не бывало.

Очень хотелось пить.

Катя вылезла из постели, поглядела на часы – около десяти утра. Поглаживая ноющую голову, Катя накинула рубашку и побрела на кухню. Напилась прямо из крана, потом подошла к окну и выглянула наружу. Снаружи было что-то вроде здорового балкона, широкого, длинного, огороженного каменным барьером и заляпанного голубиным пометом. Сами голуби тоже имелись в изобилии.

Когда Катя перелезла через подоконник, ближайшие вспорхнули и отлетели подальше.

Катя подошла к перилам. Собственно, это был не балкон, а просторная забетонированная площадка, часть крыши, огороженная примерно метровой высоты барьером из толстых столбиков с перилами. Слева – глухая стена, справа – панорама ржавых крыш: трубы, антенны, слуховые окна... А внизу – отвесный обрыв улицы, вернее широкого сверкающего проспекта, по которому нескончаемой рекой текли машины и пешеходы. При виде этой картины у Кати даже на некоторое время голова перестала болеть.

«Вылитый Монмартр!» – почему-то подумала она с восхищением, хотя во Франции, да и вообще за границей ей бывать пока не приходилось. И внизу был не Монмартр, а самый настоящий Невский проспект. Тоже неплохо.

«Мансарда, – всплыло в Катиной голове. – Сережа. Офисы от ста квадратных метров. Всё, вспомнила. Я теперь здесь живу».

Соседа Катя заметила не сразу. Неудивительно. Он стоял довольно далеко, шагах в тридцати, на другом конце площадки. На нем был балахонистый спортивный костюм такого же желтовато-серого цвета, как каменные перила, стены и бетонное покрытие под ногами. И сам он был очень похож на кубышки-столбики ограждения. Такой же массивно-округлый толстячок небольшого роста.

Толстяк стоял совершенно неподвижно, вытянув вперед правую руку, вокруг него вились голуби... Всё ближе, ближе...

И вдруг – молниеносное движение – и одна из птиц оказалась в руке толстяка. Катя от удивления тихонько пискнула. Толстяк обернулся и тут же решительно направился к ней.

Катя слегка испугалась. Мужик был довольно-таки страшненький. Хоть невысокий, но широченный, с грубыми чертами лица и большой головой, вросшей в необъятные плечи. Он целеустремленно шел к ней, зажав в руке пойманного голубя.

Катя попятилась, опасливо отодвинулась от перил, словно опасаясь, что мужик сейчас схватит ее свободной рукой и скинет вниз...

Но толстяк не стал ее хватать, остановился в трех шагах и совершенно обыденно поинтересовался:

– У тебя соль есть?

Катя молчала. Ступор какой-то.

– У тебя соль есть, спрашиваю? – настойчиво, даже сердито повторил мужик.

– Я... не знаю, – промямлила Катя.

У толстяка было квадратное лицо, сплошь состоящее из массивных выступов: надбровных дуг, приплюснутого широкого носа, торчащих скул, тяжелого подбородка.

«Морда просит кирпича», – всплыла откуда-то поговорка, очень точно описывающая внешность ее собеседника. Создавалось впечатление, что если взять кирпич и треснуть с размаху по этой физиономии, пострадает не физиономия, а кирпич.

– Как это – не знаешь? – удивился толстяк. – Что тут знать? Соль или есть, или ее нет!

Уши у него были маленькие, бесформенные, какие-то расплюснутые. Где-то Катя читала, что такие уши бывают у профессиональных борцов.

«Наверное, он спортсмен, – подумала Катя. – Бывший».

Очень похоже. Еще Катя слыхала, что все бывшие спортсмены в Питере – бандиты.

«Наверное, он бандит», – подумала Катя.

И почему-то сразу перестала бояться.

– Соль? – переспросила она. – Пошли поищем.

Только перелезая через подоконник, она увидела свое бедро в пупырышках гусиной кожи, Катя сообразила, что на ней – только рубашка, трусики и босоножки.

Толстяк на ее голые ноги не смотрел: очень ловко перемахнул через подоконник и остановился, оглядываясь. Его широкие ноздри смешно зашевелились.

– Соль, наверное, в шкафу, – сказала Катя и быстренько ушмыгнула в комнату.

Когда она, уже в джинсах, снова появилась на кухне, толстяк уже нашел соль и теперь с подозрением обнюхивал голубя.

Услышав шаги, толстяк поднял голову.

– Будешь? – спросил он.

На изменения в Катиной внешности он внимания не обратил.

– Буду – что?

– Птицу есть будешь? – нетерпеливо спросил толстяк. Похоже, Катина заторможенность его слегка достала.

– Эту?

– Нет, фламинго из королевского парка!

Катя хихикнула. Ей вдруг стало смешно.

«А он прикольный!» – подумала девушка.

– Нет, не буду.

– Дело твое, – сказал толстяк.

– Я вас оставлю ненадолго, ладно? – вежливо попросила Катя.

Толстяк милостиво кивнул, и девушка выскользнула из кухни.

Вернулась она минут через десять, приведя себя в относительный порядок. Относительный, потому что голова разболелась еще сильнее, и в животе тоже было нехорошо.

«Никогда больше не буду пить водку!» – решила Катя. – В первый и последний раз!»

Толстяк-сосед сидел на подоконнике, скрестив ноги, и был очень похож на статуэтку Будды, которая стояла в спальне Катиных родителей. Только в отличие от Будды толстяк не улыбался.

Голубя он куда-то спрятал.

«Хоть бы он ушел», – подумала Катя.

Не то чтобы он был ей неприятен, но сейчас ей больше всего хотелось лечь и положить на лоб мокрое полотенце.

– Голова болит? – угадал толстяк.

– Угу, – сказала Катя. – Может, мы с вами как-нибудь в другой раз...

– Обязательно! – перебил ее сосед и протянул руку. Ладонь у него была шириной с лопату.

Катя тоже протянула руку... И тут толстяк сделал нечто совершенно неожиданное. Быстро лизнул собственную ладонь и накрыл ею Катино лицо. Целиком.

Катя опешила настолько, что даже не пыталась вырваться. Испугаться она тоже не успела – только ощутила влажное прикосновение. Толстяк держал ее не больше пары секунд. Потом отпустил, растопырил толстые пальцы, дунул на ладонь: ф-фух!

И голова у Кати перестала болеть. Совсем. Зато мысли в ней совсем перемешались.

– Спасибо за соль, – сказал толстяк. – Пока! – И ловко, как мячик, перемахнул через подоконник.

– Эй! – слабым голосом проговорила Катя. – Погодите...

Толстяк остановился.

– Как вас зовут, можно узнать?

– Можно. Друзья зовут меня Карлс-сон! – Букву «с» он протянул, словно присвистнул. – А тебя как зовут, малышка?

– Катя.

Карлссон задумчиво пошевелил бровями.

– Нет, – сказал он. – «Малышка» мне больше нравится. Пока, Малышка!

Перемахнул через подоконник и был таков.

Через минуту Катя справилась с растерянностью, перелезла через подоконник на площадку, обошла ее кругом и убедилась, что другого выхода (если не считать края крыши над головой и еще одной крыши пятью метрами ниже) отсюда нет – только через ее квартиру.

«Может, он улетел», – подумала Катя.

Ну да, как и положено Карлссону.

Катя почувствовала неожиданный прилив веселого оптимизма. Даже вчерашний провал на экзамене уже не казался трагедией. Как-нибудь все образуется. Надо только работу найти...

Позже, прибираясь, она нашла на кухонном полу две голубиные лапки.

Глава четвертая

Большой Босс принимает Катю на работу

*Нашему королю не нужны вассалы, умеющие только поддакивать.
Если он говорит «нет», мы все говорим «нет».
Эльфийская мудрость*

Первую половину дня Катя потратила на переезд – то есть отчислилась из абитуриентского общежития и перенесла в мансарду свои вещи. Всех вещей было две сумки с одеждой. Остальное Катя собиралась привезти из Пскова, когда поступит в институт и определится с жильем. Или купить на месте, если повезет с работой. В кармане у нее как раз лежала бумажка с адресом фирмы потенциального работодателя – Сережиного отца. Имя босса Катя не записала и теперь тщетно пыталась вспомнить. Утешало одно – все-таки она была не совсем с улицы.

«Расслабься – я с ним насчет тебя поговорю,– вспоминались Кате вчерашние Сережины уверения.– Он тебя примет с распростертыми объятиями! Это же я тебя рекомендую!»

Катя от всей души надеялась, что так все и будет.

Офис Сережиного отца Катя нашла с трудом. Он был спрятан во внутреннем дворе на одной из прилегающих к Невскому улиц за простой железной дверью безо всяких опознавательных знаков. Но за дверью все было богато и стильно. Здесь пахло уже не помойкой, а эйр-кондишн и дорогими ароматизаторами. Охранник, сидевший за стеклянной стойкой, попросил паспорт и сказал: «Пройдите в приемную, вас вызовут».

Минут пятнадцать Катя просидела на диване, поглядывая по сторонам. Сверху поблескивал объектив видеокамеры, напротив за компьютером сидела секретарша, нарядом и манерами напомнившая Кате великолепную Лейку. Секретарша мельком глянула на посетительницу, доложила о ее приходе начальству и занялась своими делами. Минут через пятнадцать Катю пригласили, и она вошла в кабинет директора.

Кабинет был просторен и респектабелен. Почетное место в нем занимал уставленный оргтехникой и аксессуарами, заваленный бумагами письменный стол. По ту сторону стола восседал Большой Босс, он же – Сережин папа. Большой Босс выглядел недружелюбным, холодным и обремененным делами. Смотрел он не на Катю, а в монитор.

– Здравствуйте,– робко сказала Катя.

Босс поднял голову, и выражение его лица волшебным образом изменилось. Надменность и общее недовольство жизнью исчезли, сменившись радушием и дружелюбием.

– Катенька? Присаживайтесь.

Он даже слегка привстал, указывая Кате на стул напротив. Несколько секунд Босс молча глядел на нее, впрочем, довольно дружелюбно. Катя рискнула прервать молчание:

– Сережа сказал...

– Кофе хотите? – перебил ее Босс.

И не дожидаясь ответа, сказал в микрофон:

– Людмила, два кофе!

Потом, подмигнув Кате, произнес насмешливо, с отеческим укором:

– Что же вы, голубушка, так опозорились?

Я думал, мой Серега один такой оболтус, но и он на тройку вытянул. Целый год вас, лентяев, натаскивали...

Катя покраснела.

– У меня по истории всегда была пятерка! – запротестовала она.– Кто же знал, что в билетах будут эти партизаны!

Секретарша принесла кофе и подала его Кате изящно и осторожно, положив салфетку под блюдечко.

– И что дальше? – спросил Сережин папа.

– Я хочу записаться на подготовительные курсы и одновременно работать, – Катя попыталась перевести разговор на дело. – Я знаю английский... почти свободно, могу вести деловую переписку, быстро печатаю, умею делать таблицы в «экселе»...

Сережин папа хмыкнул, и Катя замолчала.

– Хорошо хоть от армии вас откупать не надо, – сказал он. – Ничего, на следующий год поступите. Сережа вас всячески расхваливал. Я к его рекомендациям отношусь, скажем так, с разбором, – он снова хмыкнул. – Но сейчас, пожалуй, склонен с ним согласиться. Вижу, что такая милая девушка, как вы, с легкостью вольется в наш дружный коллектив и, пожалуй, даже украсит его. Но учтите: выше всего я ценю надежность и порядочность. Надежность и порядочность! – повторил он с явным удовольствием. – Не так важно, что вы знаете или умеете... Думаю, пока мало что... Но научитесь, это не страшно. Вы – девушка из хорошей семьи, с хорошей, так сказать, наследственностью. Не сомневаюсь, что у вас все получится.

«Какой приятный человек Сережин папа!» – подумала Катя, отпивая глоток душистого кофе.

Она чувствовала себя принцессой на приеме у короля дружественной страны. Как он мог вначале показаться ей надменным брюзгой?

– Строго говоря, офис-менеджер, а если уж говорить прямо, сторож – это не работа для молодой инициативной девушки, – продолжал Сережин папа. – Я одобряю ваше желание пожить самостоятельной жизнью, набраться опыта и поспособствую этому. Будьте готовы к тому, что периодически вам будут давать разные поручения – отвезти, забрать, доставить-получить. Надеюсь, вы не возражаете?

«Понятно. Девочка на побегушках», – подумала Катя, но вслух ответила:

– Я абсолютно не против.

– Поработаете, мы к вам присмотримся, понаблюдаем и, если вы себя хорошо зарекомендуете, определим перспективу роста. Вижу, у вас возникает вопрос насчет зарплаты... Естественный вопрос, но, хм... несколько преждевременный. Мы вернемся к нему месяца через три, после испытательного срока, когда определится круг ваших обязанностей.

Под пристальным папиным взглядом Катя смутилась и пробормотала, что деньги не главное, она все понимает и не возражает. Босс заметно повеселел и снова пустился в болтовню:

– Не понимаю, как же умудрились провалиться на экзамене? Из вашей школы, с такой подготовкой, с такими связями, по договору! Даже такого бездельника, как Серега, и того удалось пристроить, а вы производите впечатление умной, старательной девушки...

– Я же не по договору поступала, – объяснила Катя. – А в нашей школе и программы другие оказались. Представляете, в экзаменационных билетах партизаны есть, а в школьной программе...

– Погодите, так вы разве не в Сережином классе учились?

– Нет, мы с ним только вчера познакомились, – простодушно сказала Катя. – После экзамена по истории.

Сережин папа почему-то сразу перестал улыбаться, пробормотал нечто вроде «раздолбай чертов» и сухо спросил:

– И в какой же школе вы учились?

– Я закончила пятнадцатую школу города Пскова. С педагогическим уклоном, – уточнила Катя, думая, что это произведет на Босса положительное впечатление.

– Ну да, еще и иногородняя, – проворчал Босс. Лицо его более не выражало добродушия, стало таким же надменно-брезгливым, как в тот момент, когда Катя вошла в кабинет.

«Все пропало, – подумала Катя. – Сейчас он меня выставит».

С полминуты Босс размышлял. Катя ждала, затаив дыхание. У нее затекла спина, но сесть поудобнее она не осмеливалась.

– Как я уже сказал, коллектив у нас небольшой, и все строится на доверии, – наконец заговорил Босс, уставясь на Катю таким подозрительным взглядом, словно ожидал, что она сопрет у него со стола телефон. – Людей со стороны, чужих, о которых ничего не известно, я стараюсь не брать. Однако из нашего с вами разговора у меня сложилось впечатление, что криминальных наклонностей у вас нет. Надеюсь, что ни спиртным, ни наркотиками вы также не увлекаетесь?

Катя замотала головой.

– Имейте в виду: всё, что вы напишете в анкете, будет тщательно проверено нашей службой безопасности!

«Значит, все-таки берет!» – обрадовалась Катя.

– ... Имейте также в виду, что вы – материально ответственное лицо. Это значит, за все имущество, находящееся во вверенном вам помещении, вы несете персональную ответственность. Примете всё по описи и так же по описи сдадите, когда закончится срок договора. За каждую недостачу платите из своего кармана. В первую очередь это относится к компьютеру...

Катя молча кивала. Она больше не чувствовала себя принцессой, скорее – Золушкой.

– ... Парней не водить, гулянок не устраивать. Все это будет проверяться. Сейчас идите в отдел кадров, оформляйтесь. Потом – к завхозу. Он вам все скажет.

С последними словами Босс поднялся. Катя, догадавшись, что разговор окончен, вскочила со стула.

– И, кстати, приберитесь там, – добавил Босс, когда Катя, уже в дверях, открыла рот, чтобы попрощаться. – Пол вымойте, окна, половичок какой-нибудь постелите... в общем, наведите уют. Чтобы клиент сразу видел, что это нормальное помещение, а не бомжатник.

«Еще и уборщица, – мрачно думала Катя. – Может, еще и ремонт сделать?» Но язык уже сам говорил «спасибо» и «до свидания».

– Где у вас отдел кадров? – спросила Катя скучающего охранника на входе.

– Через внутренний двор направо. Работать у нас будешь?

– Вроде да...

– Хорошо. Хоть одно человеческое лицо появится. Смотришь целый день на эти хари из бухгалтерии...

– Я не здесь буду работать, – разочаровала Катя охранника, – а на Невском, пятьдесят два.

– Мансарда, что ли? – спросил охранник.

– Да. А откуда вы знаете?

Охранник многозначительно усмехнулся:

– Эту мансарду у нас в фирме все знают. Ты кем туда, кладовщицей, сторожем?

– Офис-менеджером.

– Значит, сторожем... – Охранник покосился на дверь приемной и вполголоса доверительно произнес:

– Нехорошее место эта мансарда. Она вроде как проклята. Там никто надолго не задерживается.

– И что же там такого плохого? – Катя на всякий случай немного отодвинулась.

– Нечисть там, – сказал охранник. – И не улыбайся: я своими глазами видел. Тебя как зовут?

– Катя.

– Так вот, Катя, – страшное это место. Особенно по ночам. Жалко мне тебе – как ты там одна? И защитить некому...

– Да уж как-нибудь, – отрезала Катя.

Знаем мы таких защитников!

– Не веришь,– сказал охранник.– А зря. Я тебе говорю: сам видел. Сам серый, мохнатый, глаза зеленые и горят. Прыгнул на стену и по стене, по отвесной, вверх побежал. Как паук.

– Может, это Кинг-Конг был? – язвительно сказала Катя.– Он девушку на плече случайно не тащил?

– Смотри, накличешь! – с каменным лицом предупредил охранник.– Последний сторож там только две недели и отработал. Потом сбежал. Даже зарплаты не дождался. А почему – не сказал. Не хотел, наверно, чтобы в дурку забрали.

– Спасибо за информацию,– вежливо сказала Катя.– Если встречу человека-паука – передам от вас привет.

– Я тебя предупредил,– пожал плечами охранник.

Беседа с Сережиным папашей оставила у Кати неприятный осадок. Намеки охранника хорошему настроению тоже не способствовали. Конечно, нелепым страшилкам о лазающем по стенам монстре Катя не поверила, но говорил же кто-то, что эту мансарду фирме никак не продать. Если там что-то неладно, это плохо. Ей ведь там жить. А с другой стороны, если мансарду продадут – где тогда будет жить Катя?

Глава пятая

О том, как Катю пытались соблазнить и чем все это кончилось

*Однажды забрел охотник Вилле-Губошлеп в пещеру к троллихе.
На запах забрел – уж очень вкусно из пещеры пахло.*

– Ты зачем пришел? – спросила его троллиха.

*– Э, нет! – воскликнул Вилле. – Так не годится – сразу с порога
вопросы задавать! Ты меня сначала в дом пригласи!*

*– Ну заходи, – разрешила троллиха. – А теперь говори, зачем
пришел!*

*– Какая ты быстрая! – сказал охотник. – Ты меня сначала
накорми, напои, а уж потом спрашивай!*

Накормила его любопытная троллиха собственным ужином.

– Ну теперь говори, зачем пришел!

*Посмотрел сытый Вилле на троллиху: а ничего троллиха,
телистая.*

*– Какая ты невежливая! – заявил он. – Нет уж, ты меня сначала
рядышком уложи, а уж потом вопросами донимай.*

*Уложила его любопытная троллиха, да так неудачно: с первого
удара – насмерть.*

И опечалилась:

– Вот беда-то! Теперь никогда не узнаю, зачем человек приходил!

«Домой» Катя вернулась в подавленном настроении. Сумрачная, пропахшая пылью мансарда с ее скрипучими полами и непонятными шорохами выглядела удручающе.

Кроме комнаты, уже «обжитой» Катей, в которой стояли кровать, стол с компьютером, еще один стол и полдюжины стульев, в мансарде было еще две. Одна заперта, вторая – довольно большая и совершенно пустая. Только на полу в углу стоял старый тяжелый телефонный аппарат с вертящимся диском.

В «жилой» комнате тоже был телефон, поновее. Окна комнат смотрели во двор-колодец. На Невский, вернее, на площадку-балюстраду выходило только окно кухни. Кухню и комнаты связывал довольно широкий коридор с аппендиксом, в который выходили двери ванной и туалета и ответвление в прихожую. В прихожей имелись вешалка и большое овальное зеркало. Общая площадь мансарды, если не считать запертой комнаты, составляла полсотни квадратных метров. Чтобы привести все это хотя бы в относительный порядок, надо потрудиться.

Катя пообедала вареными макаронами и решительно взялась за дело.

Девять часов спустя, в половине двенадцатого, Катя постелила у входа вымытую половую тряпку и без сил упала на кровать. Вокруг нее все сияло – пол, стекла в окнах. Лампочки, которые Катя тоже протерла, стали светить в два раза ярче. Таких понятий, как «пыль» и «грязь», в квартире больше не существовало. Пауки были изгнаны с потолка на площадку за окном, поскольку убивать их Катина мама считала дурной приметой.

«Хоть гостей принимай, – лениво думала Катя, с удовольствием оглядывая результаты своего труда. – Завтра еще занавески повешу... И вообще – составлю список, чего сюда надо купить, и отнесу на утверждение Боссу...»

Катины хозяйственные размышления прервал звонок в дверь, который мгновенно стряхнул с девушки всю сонливость.

Катя вскочила с кровати, взглянула на часы.

«Кого там принесло на ночь глядя?» – с беспокойством подумала она.

В памяти всплыли рассказы охранника о покрытом серой шерстью монстре. Длинный резкий звонок снова повторился, как будто тот, кто стоял за дверью, очень спешил попасть внутрь. Катя, прогнав глупые мысли о монстре, подошла к двери и строго спросила:

– Кто там?

– Свой! – отозвался сиплый, но смутно знакомый голос.

Катя открыла дверь. К большому удивлению и отчасти радости, она увидела Сережу.

– Поздравляю с новосельем! – с порога закричал он, пихая Кате в руки тяжелый полиэтиленовый пакет. В пакете звякало и булькало.

– Спасибо, – ошеломленно поблагодарила Катя. – Вот это сюрприз! А почему так поздно?

– Праздновать никогда не поздно, – убежденно сказал Сережа. Вид у него был неестественно оживленный, щеки пылали, глаза блестели.

– Ты что, с какого-то праздника? – спросила Катя, заметив его слегка расфокусированный взгляд.

– Да все с того же, с нашего. Ха, это еще не рекорд. Помню, мы один раз четверо суток зажигали. – Сережа, не разуваясь, прошел в комнату. – Ух ты, как все классно стало! Теперь тут оттопыриваться можно по полной!

– Твой папа запретил, – сказала Катя. – Никаких гостей.

Сережа презрительно отмахнулся:

– Сморкался я на его запреты. Он мне ничего не сделает. («А мне?» – подумала Катя). Поорет и успокоится. Ну давай, накрывай на стол. Да прямо здесь накрывай, не на кухне же!

Накрывать оказалось нечего: в пакете была только литровая бутылка «Мартини бьянко» и бутылка водки.

– Так у тебя и пожрать ничего нет? – недовольно сказал Сережа. – Плохо, плохо ты готовилась. Ну, на первый раз прощаю.

Сережа задумчиво погладил бутылку мартини.

– Вспомнил! Я ведь не просто так пришел, а по делу. Буду тебя учить правильно пить мартини. У тебя есть такие низкие бокалы без ножек?

– Нет, конечно! – язвительно ответила Катя. – И пить я не буду!

Сережа ее слова проигнорировал. Непринужденно уселся на кровать и принялся открывать крышку мартини, продолжая трепаться.

– ...Прихожу тут как-то в бар с одной девчонкой, делаю заказ – по двести мартини, а барменша меня спрашивает: вам чем разбавить, грейпфрутовым соком или апельсиновым? Я ей говорю – первый раз вижу, чтобы мартини разбавляли соком! А она мне, дура, – а я первый раз вижу, чтобы хлестали неразбавленное! Ничего не понимает! Ну что ты стоишь? Из горла нам, что ли, пить?

Катя пошла на кухню искать посуду.

«Зачем он приперся?» – подумала она, роясь в обшарпанном пенале.

Развлекать пьяного Сережу у Кати не было ни малейшего желания. Но ведь и выставить его нельзя. Нехорошо. Как-никак это он ее сюда устроил.

Бокалов не нашлось, стаканов и стопок – тоже. Катя взяла две чайные чашки, принесла в комнату и поставила на табуретку, а сама села на другую, подальше от гостя. Не смущаясь неподходящей посудой, Сережа разлил мартини, чокнулся с Катей, одним глотком выпил полчашки, с комфортом развалился на кровати.

– Ты чего не пьешь? Давай, смелее. Не хочешь – как хочешь, а я выпью, чтобы добро не пропадало. Сейчас выпью – и проверю, как ты тут за квартирой следишь. Не украла ли чего...

– Что?! – вспыхнула Катя.

Сережа заржал, довольный собственным остроумием.

– Шучу, чего ты сразу надулась? Шуток не понимаешь! У вас в Пскове все такие тормозные?

– Идиотские шуточки,– обиженно проворчала Катя.

Настроение у нее совсем испортилось.

– Кстати, ты почему отцу не сказал, что я из Пскова? – вспомнила она.

– Ха, разумеется, не сказал. Он бы тебя в жизни сюда не впустил. Я ему наплел, что ты – моя одноклассница. Из хорошей семьи. Это у него задвиг насчет семьи. Мол, хочешь пожить одна, так сказать, личной жизнью. Здорово я его развел, да?

Катя промолчала. У нее промелькнула мысль, как было бы замечательно, если бы Сережа забрал свое мартини и ушел восвояси.

Но Сережа явно обосновался в мансарде надолго.

– А чего у тебя тут есть? – спросил он, осматривая помещение.– Где музыка? Видик есть? А почему нет? Так пойд и купи! Магазин аудио-видео, между прочим, через дорогу. Я советую домашний кинотеатр, только непременно с сабвуфером, иначе никакую музыку будет не послушать толком. И не потанцевать, кстати. Вы чего в Пскове слушаете? Небось «Ласковый май»?

– «Ласковый май?» – Катя и не слышала о такой группе.– Нет, мне «Сплин» нравится. Земфира... «Глюкоза» кое-что... Еще Ник Кейв, «Murder ballads»... А что сейчас слушают в Питере?

– Мне, честно говоря, по фиг, что слушать,– пренебрежительно отозвался Сережа.– Я больше автомобилями увлекаюсь...

Сережа оживился и принялся рассказывать о новой отцовской машине, потом о машине отца своего приятеля, потом о той машине, которую отец купил бы ему на совершеннолетие, если бы не был такой жадной сволочью...

Катя сидела, зевала, смотрела, как в бутылке падает уровень жидкости, и мечтала о том моменте, когда мартини иссякнет и Сережа наконец исчезнет из ее дома.

– Ты чего там, заснула, что ли? – пробудил ее от грез Сережин голос.– С табуретки вот-вот свалишься. Пересаживайся сюда!

«И вправду, усну и свалюсь»,– подумала Катя и пересела. То, что это опрометчивое решение, она поняла сразу, но было уже поздно.

– Вот была бы музыка, мы бы с тобой потанцевали,– мечтательно объявил Сережа, ухватив Катю за талию потной рукой.– Белый танец при свечах... У тебя свечи есть?

«О Господи!» – мысленно простонала Катя, пытаясь отодвинуться от Сережи так, чтобы это не выглядело откровенной борьбой за свободу.

– Сереж, уже поздно, наверно, метро закроется,– намекнула она, краснея от собственной бестактности.

– На фига мне метро? – удивился незваный гость, прижимая к себе Катю.– Я тут рядом живу!

– Ты бы не мог слегка отодвинуться? Мне неудобно.

– А ты перестань мне локтем в бок упираться, так станет удобнее.

– Мне жарко! – жалобно сказала Катя.

– О чем базар – ты разденься! – с готовностью предложил Сережа.– Хочешь, помогу?

«Шутник!» – злобно подумала Катя и рванулась из потных объятий, намереваясь встать. Но Сережа со смехом потянул ее на себя, и она снова плюхнулась на кровать.

«А ведь он не шутит»,– похолодев, поняла она.

– Ну чего ты дергаешься? – укоризненно сказал Сережа.– У вас во Пскове все такие закомплексованные? Нормально ведь сидим, оттягиваемся, а ты куда-то норовишь убежать...

«Он, наверно, не соображает, что делает. Он уже совсем пьяный. Он и пришел пьяный. Не надо его злить,– думала Катя.– Не надо вырываться, только хуже будет. Может, через десять минут он совсем напьется, захочет спать и сам меня отпустит».

Катин папа, когда перебирал лишнего, всегда ложился спать.

«Не то,— говорил,— я буяннить начну».

Заснув, он не буянил, но мама все равно ругалась и потом неделю вспоминала, как он напился.

Тем временем Сережа сменил тему и от автомобилей переключился на девушек. Но хотя его монолог с каждой минутой становился все более бредовым, никаких признаков сонливости Сережа не подавал. Его пальцы бродили по Катиной спине, нащупывая застёжку бюстгалтера. Катя отодвигалась, выставляла локти и страдала.

— Большинство девушек не умеют себя правильно вести! — вещал Сережа. — Они думают: если кривляться, ломаться или насмехаться над парнями и все такое, так это очень круто. А я не выношу, когда надо мной издеваются. Вот Лейку возьми: классная девка. А как скажет чё, весь день ходишь как облёванный. У меня такая была мысль! — Сережа оживился, даже шариться по Катиной спине перестал. — Только никому не говори, это секрет — познакомиться с какой-нибудь девчонкой помладше и воспитать ее как надо. Выдрессировать как собаку. Ну, в хорошем смысле. Чтобы скомандовал —

«К ноге!» — и она уже тут, смотрит преданно в глаза и на все готова. А стерв ненавижу. Ты ведь не из таких? Я как тебя увидел, то сразу решил — ты мне как разходишь. Ты тихая, маленькая, складненькая, к тому же притворяешься скромницей.

А во всяких журналах пишут, что те, кто притворяется скромницами, на самом деле самые страстные женщины...

«Не засыпает», — с тоской думала Катя.

Придется его гнать. Как же его поделикатнее выставить? Он ведь отцу нажалуется. А тогда — прощай работа, и жилье, и Питер с институтом, и здравствуй, Псковский педагогический и вечная тоска.

— Зачем нам всякие там ухаживания, цветы, кино и прочая пошлость? — продолжал токовать Сережа. — Давай, зайчика, все это пропустим. Дай своей страсти вырваться на свободу! Тебе даже не надо мне ничего говорить. Когда преодолеешь робость — через полчаса, например, — просто намеки. Только откровенно, чтобы я сразу догадался. Не надо всяких там томных взглядов — я в этом ни фига не понимаю. Лучше расстегни кофточку. Ты чулки, кстати, с подвязками не носишь? Зря. Завтра же купи — очень возбуждающе...

«Вот маньяк-то. Чулки ему с подвязками. Они тут в Питере все такие эстеты?» — невольно подумала Катя.

Поймав Сережин мутный взор, она решила, что гость уже почти готов.

— Ты не устал? Спать случайно не хочешь? — осторожно спросила она.

— Хочу! — обрадовался Сережа. — Люблю прозрачные намеки! Сейчас прогуляюсь до сортира, вернусь и будем спать. А потом вместе примем душ!

Сережа наконец разжал объятия, с Катиной помощью оторвался от кровати и, пошатываясь, побрел в сторону кухни. С отвращением посмотрев ему вслед, Катя решила — обойдусь без деликатности. Просто скажу: «Пошел вон, пьяная свинья» — и вытолкаю за дверь. И черт с ней, с работой.

— Я сейчас... — бубнил Сережа, пошатываясь, пробираясь к туалету. — Я, типа, отлить. А ты, типа, подумай, чё нам это... — напрягся, пытаясь сформулировать мысль, потом выдвинул челюсть и объявил под веселое журчание: — Я тут хозяин! Хочешь, ик, пользоваться моим гостеприимством — посмотрим, ик, на твое поведение!

Сережа вышел из туалета, застегивая ширинку.

— Надо, ик, водички попить... — бормотал он, направляясь на кухню. — И — раскрепощенный секс! Пришла пора прощаться с девственностью!

Перед его внутренним взором вставали смутные образы разнообразных соитий, почерпнутые из Интернета и порнографических фильмов.

– Разнузданный секс! – провозгласил он, вваливаясь на кухню.
И остолбенел.

На кухне был человек. Невысокий, толстый, он что-то искал в кухонном шкафчике.
Сережа, хоть и пьян был, но мгновенно вспотел от страха.

Вор? Нет, вряд ли. Значит, кто-то из папашкиных служащих или коллег. Теперь наступит...

«Во, блин! Влетел! – подумал он. – Хотя что я сделал? Да ничего!»

Сережа приосанился и сказал:

– Добрый вечер!

Мужик мельком взглянул на него и кивнул.

В папашкином офисе Сережа его раньше не видел.

Мужик между тем делал что-то странное. Достал из шкафчика соль, взял со столадохлого голубя (Сережа только сейчас его заметил) и принялся посыпать эту гадость солью.

– Э-э-э... А что это вы делаете? – растерянно спросил Сережа.

– Солю, – добродушно пробасил мужик. – Ты когда-нибудь ел птицу без соли, человечек? Сережа, обалдевший, помотал головой.

– И правильно! – одобрил толстяк. – Редкая гадость. А с солью – совсем другое дело!

И тут, к ужасу Сережи, мужик откусил головкудохлой птички вместе с клювом и перьями и разжевывал.

– Фкушнятина, – сказал он, громко хрустя косточками.

Этого зрелища Сережин желудок перенести не смог. Содержимое его рванулось наружу, а сам Сережа стремглав метнулся в туалет.

Через несколько минут он, почти трезвый, испуганно-рассерженный, появился перед Катей, по-прежнему пребывавшей в мучительных раздумьях.

– У тебя на кухне – какой-то мужик! – обвиняющим тоном заявил Сережа, не обратив внимания на то, что Катя не только не разделась, но, наоборот, застегнула всё, расстегнутое Сережей.

– Какой еще мужик? – не поняла Катя.

– Такой! Толстый. С голубем! Ну-ка пошли! – Сережа решительно ухватил ее за руку.

На кухню, впрочем, он вошел вторым, ловко выдвинув Катю вперед.

На кухне никого не было.

Зато Катя увидела у батареи знакомую голубиную лапку.

– Где он? – Не увидев толстяка, Сережа вновь обрел уверенность. – Сбежал?

– Кто? – невинно спросила Катя, незаметно запиная улику под батарею.

– Мужик! Тут был мужик! И жрал сырого голубя!

«Если он расскажет отцу, меня непременно выгонят», – подумала Катя.

– Какого голубя? – спросила она, постаравшись, чтобы голос ее звучал спокойно и уверенно. – Тут никого нет!

– Как это нет! – Сережа шумно потянул воздух. – А почему тогда тут воняет! Говори, кто это?

– Не желаю слушать твой бред! – крикнула Катя и выскочила из кухни.

Сережа выглянул в окно. На площадке было пусто. Он решительно (если противник ретировался, значит, он испугался) направился к двери. Тут его ждал сюрприз: дверь была заперта, и засовчик, который Сережа предусмотрительно задвинул – тоже на месте.

Нет, ну он же точно видел толстого такого мужика!

Сережа снова направился на кухню, но на полпути его перехватила сердитая Катя.

– Воняет, да? – гневно произнесла она. – Тебе интересно знать, почему тут воняет? Так я тебе объясню! Потому что один придурок допил до глюков и заблевал весь туалет! А я тут полдня сегодня мыла! – Искреннее возмущение звенело в ее голосе. – И не думай, что я буду

убирать за тобой блевотину! Сам нагадил – сам и приберешь! – Она шваркнула Сереже под ноги тряпку.– Причем чисто, понял? Или я завтра все твоему отцу расскажу! И про мужика, который сырых голубей жрет,– тоже!

Вот теперь Сережа испугался по-настоящему. Полгода назад отец нашел у него марку с «кислотой». Шуму было – словно Сережа дом поджег. И под занавес обещание: если еще хоть раз, хоть что-то – сразу в клинику.

«Наркоша в семье не потерплю! – орал папашка.– Каленым железом!»

Если эта дурочка сболтнет про мужика и голубя – Сереже конец. Папашка его сразу в дурку определит.

«Надо заткнуть ей рот...» – мужественно подумал он, грозно надулся...

Наткнулся на бешеный взгляд Кати (вот уж не ожидал он от этой куколки такой ярости!) – и сдулся, как проколотый мячик. Страх пересилил.

– Я уберу,– пробормотал он, наклоняясь за тряпкой.– Я уберу, ты не беспокойся...

И убрал. Очень старательно. А тряпку выстирал и аккуратно повесил на батарею.

«А может, и впрямь не было никакого мужика?» – тоскливо подумал Сережа.

– Ты только, это, отцу ничего не говори, ладно? – совсем жалким голосом попросил он, уходя.

– Посмотрим на твое поведение! – мстительно заявила Катя, закрыла за ним дверь, задвинула засовчик и без сил опустилась на обувную тумбочку.

«Какое счастье, что он такой ужасный трус»,– подумала она.

Глава шестая

Девушка и киллер

Неоспоримым доказательством разумности троллей является тот факт, что людям до сих пор не удалось установить с ними контакт.

Горячая вода била в затылок, струилась по шее и спине, смывая ощущение липких рук, снимая напряжение, расслабляя и успокаивая мысли. Вообще-то Катя предпочла бы ванну. Дома она очень любила насыпать в воду всяких ароматических солей и залечь эдак на часик с книжкой или с музыкой. Но эту ванну надо отскребать часа полтора. На такой подвиг у Кати не оставалось сил. Ладно, душ – тоже хорошо.

Вымывшись, Катя завернулась в полотенце, другое намотала на голову и снова почувствовала себя человеком.

«В сущности, все не так плохо, – подумала она. – У меня есть жилье, есть работа, за которую, может быть, когда-нибудь мне что-нибудь заплатят. Завтра я поеду и запишусь на подготовительные курсы и на следующий год обязательно поступлю, так что нечего переживать из-за проваленных экзаменов. Я же не мальчишка, в армию меня не заберут. И вообще я молодец! Одна, без чужой помощи, без мамы-папы – в Санкт-Петербурге! Вот приеду на Рождество домой в Псков, расскажу девчонкам – обзавидуются!»

Катя поставила чайник. Она размышляла о том, как удачно разрешилась неприятная ситуация с Сережей. А также о странном «отставном спортсмене», который повадился лазать к ней на кухню за солью.

«Все-таки этот Карлссон появился очень вовремя, – думала она. – И вовремя исчез. Если бы не он, пришлось бы самой выгонять этого маньяка. Тоже мне – знаток женщин! Нашел себе простутку. Чулки ему с подвязками! Противный такой, жирный, липкий... Одно хорошо – трусливый...»

Катя вернулась в комнату. В «наследство» от Сережи осталась на три четверти опустевшая бутылка вермута и водка. Существовала опасность, что он вспомнит о забытом спиртном и вернется.

«Все равно не пущу! – решила Катя. – Завтра отдам».

Она присела на диван, налила в чашку немножко вермута. Вермут был итальянский, вкусный. В сумочке у Кати лежала шоколадка. Она не вспомнила о ней, когда заявился Сережа со своим «угощением». И хорошо, что не вспомнила. Сейчас шоколадка придется очень кстати.

Вскипел чайник. Катя спрятала водку в холодильник, налила чаю, очень хорошо поужинала этой самой шоколадкой, чаем и капелькой вермута, расчесала волосы, надела халатик. Спать расхотелось. Она вышла на кухню, перелезла через подоконник.

Ночь была совсем теплая. Откуда-то доносилась музыка. Внизу горел и переливался Невский. Нет, это чудесно – то, что с ней произошло! Кто мог подумать, что она, одна-одинешенька, будет любоваться ночным Невским проспектом! Катя легла грудью на гладкие перила. Внизу, метрах в полтора под ней, был небольшой карниз, на котором крепилась какая-то реклама. Бегущие вдоль карниза огоньки завораживали. Еще снизу поднимался теплый воздух, Катя чувствовала его прикосновение голыми коленками и бедрами, и это тоже было очень приятно.

Внизу столько людей, и никто из них даже не подозревает, что некая совсем юная девушка стоит совсем одна на этой балюстраде, смотрит на них сверху...

Катя чувствовала необычайную легкость. С ней уже бывало такое. Мгновения, когда так остро и сильно чувствуешь себя и все вокруг, что, кажется, стоит оттолкнуться посильнее от земли – и взлетишь.

Катя скинула тапочки, встала на носки, потянулась вверх и вперед...

И вдруг увидела, как внизу, на карнизе, что-то пошевелилось. Какая-то темная масса...

Катя отпрянула. Сердце ее заколотилось, как у перепуганной птицы. Снова вспомнился рассказ охранника о «сером мохнатом», лазающем по отвесным стенам. Вот ведь гад какой! Нашел, что рассказать...

Наверное, минут пять она боролась со страхом, но потом все-таки решилась и сноваглянула вниз. Точно, там внизу что-то темное...

«Ну и что! – сказала себе Катя. – Может, это какая-нибудь установка, какой-нибудь трансформатор от рекламы? Может...»

И тут темная масса зашевелилась и внезапно быстрым, невозможным для человека движением метнулась вверх. Две огромные лапы ухватились за перила в каком-то метре от Кати, ужасное существо перемахнуло через ограждение...

Катя присела от испуга, пронзительно пискнула и швырнула в чудовище первое, что подвернулось под руку, – собственную тапочку.

...Чудовище ловко поймало тапочку... Остановилось и произнесло глуховатым голосом Карлссона:

– А мне показалось, ты меня позвала. Мне уйти, да?

– Фу-ух! Карлссон! Как вы меня напугали! Что вы делали там, внизу?

– Сидел, – лаконично ответил ее сосед.

– И... Вам не страшно? – У Кати вдруг ослабели ноги, и она опустилась на камень балюстрады. Камень был теплый.

– Страшно? Что страшного в том, чтобы сидеть? – удивился Карлссон. Наклонившись, он положил тапочку рядом с Катей, а сам устроился напротив, скрестив ноги.

– На такой высоте!

– Нет, – покачал головой Карлссон. – Это не высота. Когда я был молодым, я жил в горах. Вот там – высота. Сядешь вечером на краю каменного «лба», смотришь вниз – а там облака, прозрачные, розовые...

– Вы там родились, в горах? – спросила Катя.

Карлссон покачал головой:

– Нет. Нам... Мне пришлось уйти в горы, потому что там, где я родился, меня хотели убить.

«Ничего себе! – подумала Катя. – Как интересно!»

– А где вы родились?

– Далеко.

И замолчал. Он явно не хотел распространяться на эту тему.

– Карлссон... А можно спросить, чем вы занимаетесь?

– Я охотник.

– А на кого вы охотитесь, на зверей?

«Что я болтаю? – подумала Катя. – Что за дурацкий вопрос?»

Однако Карлссон воспринял его как должное.

– Не всегда, – ответил он.

«Он – киллер!» – внезапно осенило Катю.

Как ни странно, она совсем не испугалась.

Кате вспомнилось кино «Леон». Там тоже был киллер. И девочка, которая в конце концов тоже стала наемной убийцей. Кажется...

«Мы подружимся,— подумала она.— Он научит меня стрелять. И подкрадываться бесшумно... И лазать, как человек-паук...»

Что за бред в голову лезет! Это, наверное, от мартини.

«Кстати о мартини! Какая я невежливая! Даже чаю ему не предложила!»

— Хотите чаю, Карлссон?

— Не откажусь.

Катя перелезла через подоконник. Карлссон последовал за ней.

Потом они пили чай без сахара, потому что сахара на кухне не оказалось, но все равно чай был вкусный. И пить его с Карлссоном было очень приятно. Пить чай и молчать. От Карлссона исходило какое-то невероятное спокойствие.

«Он похож на древнего каменного Бога»,— думала Катя.

Еще она думала о том, что с ним очень хорошо молчать. И не нужно «себя вести». И еще ей нравилось, что когда он смотрит на нее, то смотрит на ее лицо, а не на голые ноги.

Интересно, как бы Сережин папа отнесся к тому, что к ней в гости приходит киллер? Или он не киллер, а какой-нибудь спецгент? Вроде «охотника за головами» из американских фильмов. Наверное, он невероятно сильный... А может, он — адепт какой-нибудь древней восточной школы? Как он тогда здорово избавил Катю от головной боли...

Такие мысли бродили в голове у Кати. О чем думал Карлссон, сказать трудно. Судя по его неподвижному лицу — ни о чем.

А когда он ушел (Катя так и не спросила, где он живет), она легла спать, даже не позаботившись закрыть окно на кухне. Почему-то она знала, что ночью никто не войдет к ней без спросу.

Обычно Катя плохо засыпала на новом месте, но на этот раз уснула мгновенно. Наверное, потому что день был тяжелый и разнообразный.

Глава седьмая

О Кеннете Маклауде и трудностях перевода

Люди суетятся, умножая количество дел, затем, стараясь закончить их побыстрее, терпят неудачу.

Троль же свободен от неуспеха в делах. Ибо мудр: добыв с великим трудом нечто, не ставит добытое высоко, а положив на удобную поверхность, не отходит от добытого, пока не съест.

Троллинга мудрость

На следующее утро Катя, не привыкшая терять времени зря, отправилась в институт (благо от ее жилья до Герцена – пятнадцать минут пешком) и записалась на платные подготовительные курсы. А записавшись, обнаружила, что до начала занятий у нее есть еще месяца полтора совершенно свободного времени. Этим временем надлежало распорядиться с толком. В частности – срочно обеспечить себя средствами к существованию, чтобы родители, узнав о ее провале на экзаменах (когда-то ведь надо будет им признаться), сразу поняли: она и сама в состоянии о себе позаботиться. И не стали требовать, чтобы она вернулась домой.

Катя купила газету «Работа для вас» и, вернувшись домой, принялась изучать вакансии.

Вакансии ее разочаровали. В огромных количествах требовались всяческие агенты («коммуникабельность, активность, бесплатное обучение, возможность роста») с ненормированным рабочим днем и эфемерным процентом с продаж, либо неквалифицированная рабочая сила – кондукторы, вахтеры, грузчики, продавцы и т. д. – оплата весьма скромная, и «от звонка до звонка». И то и другое Катю абсолютно не устраивало. Можно было попробовать пойти куда-нибудь секретаршей со знанием английского, но везде требовалась петербургская прописка, кроме того, в сентябре, когда начнутся занятия на курсах, Катя не сможет работать полный день. Изучив газету вдоль и поперек, Катя наткнулась на слово «переводчик» и решила, что это именно то, что ей надо. Из требований – только английский язык и наличие компьютера, рабочий день себе определяешь сам. Плата сдельная: сколько напереводил – столько и получил, все по-честному. Обведя в рамочку все немногочисленные объявления на эту тему, Катя принялась звонить работодателям.

Сначала дело не заладилось. Одни говорили, что переводчик уже не нужен. Другим требовалось знание технической терминологии в области тяжелого машиностроения или лакокрасочного производства. Третьи хотели знание не только английского, но и финского, причем оба языка – в разговорном варианте... В конце концов Катя отложила бесполезную газету, взяла затрепанный справочник «Желтые страницы», нашла рубрику «Издательства» и начала звонить всем подряд. Идея оказалась удачной. Через час Катя, торжествуя и слегка нервничая, уже направлялась на собеседование в издательский дом «Омега-плюс», которому срочно требовались редакторы, корректоры, переводчики, верстальщики, уборщики и еще куча народу.

Издательский дом занимал два этажа облезлого дома в получасе ходьбы от Невского проспекта. Из предметов роскоши Катя заметила только новую железную дверь, распахнутую настежь. Все остальное терялось в хаосе. Возникало ощущение, что издательский дом находится в состоянии одновременно пожара, ремонта и переезда.

Катя беспрепятственно проникла внутрь и долго бродила по темным коридорам, заглядывая в загроможденные компьютерами и стеллажами комнаты и допытываясь, не здесь ли хотят переводчиков. В одной из комнат ее встретил недовольный взгляд поверх монитора. Взгляд принадлежал толстой очкастой тетке, умело задрапированной в стильный клетчатый балахон.

– Машка! – крикнула она, адресуясь к кому-то в другом конце комнаты. – Я же просила школьников ко мне не присылать!

– Вы же сами все время стонете, Людмила Петровна, что вам срочно нужны переводчики, – отозвалась из-за стеллажей невидимая Машка. – У меня список вакансий, люди все время звонят, мне же надо что-то им отвечать...

– Я не школьница, – с достоинством сказала Катя. – Я студентка. Между прочим, иняза.

– Студентка? – тетка с сомнением взглянула на Катю. – Еще хуже. Знаем мы, как студенты работают. До первой сессии. Никакой ответственности.

– Я не такая...

– Или роман заводят – и всё, в голове розовый туман, а мы тут сидим и по полгода ждем перевод. А там, глядишь, замужество, ранняя беременность, академический отпуск... Машка, отметь у себя, что студенток тоже не надо!

Катя забеспокоилась:

– Я свободно владею английским. И замуж в ближайшие десять лет не собираюсь.

– Знаем мы ваше «свободно», – проворчала тетка. – Откуда у тебя может быть нормальный язык после нашей школы? Ты ведь не в Англии училась?

Катя призналась, что не в Англии. О Пскове она на всякий случай не заикалась.

– Ну вот, видишь. Опыта работы, конечно, нет?

– Конечно, есть! – соврала Катя. – Я, между прочим, даже стихи переводила!

Стихи – вернее, одно стихотворение – она действительно перевела, в девятом классе, на городской языковой олимпиаде. Стихотворение было из английской поэзии девятнадцатого века, высокопарное и нравоучительное. По мнению одноклассниц, у Кати получилось весьма неплохо. «О что есть жизнь, когда в забот потоке скором нет времени у нас ее окинуть взором?!» – припомнила Катя первые строки.

За стеклами очков Людмилы Петровны неожиданно промелькнул интерес:

– Говорите, стихи?

«...Нет времени у нас пройтись тенистым бором, взглянуть на белок, занятых орехов сбором!»

– Английская классика, – небрежно сказала Катя. – Девятнадцатый век.

Толстуха почти любезно сказала: «Присядьте, девушка», вылезла из-за компьютера и куда-то ушла. Вскоре она появилась с красивой книгой в руках.

– Что это? – с любопытством спросила Катя, глядя на обложку.

– Фэнтези. Название вам ничего не скажет.

– Я люблю фэнтези, – сообщила Катя.

– Я за вас очень рада. Но эта книга уже в работе. В смысле, ее уже переводят. Наша проблема в том, что в тексте попадают стихи...

Людмила Петровна отксерила несколько страниц из красивой книги.

– На эту небольшую балладу у вас три дня срока, – заявила она. – Если меня устроит результат, будем с вами работать.

Катя схватила ксерокопии:

– Спасибо!

Тетка в ответ только поморщилась.

– Три дня! – строго сказала она. – На четвертый можете даже не звонить. И никаких оправданий по поводу сессии мы не принимаем.

Катя вдруг вспомнила об очень важной вещи.

– А... оплата?

– Пробник не оплачивается. А дальше, если у нас все сложится...

Тетка назвала несколько цифр. Сумма, обещанная за авторский лист перевода, показалась Кате более чем приемлемой. Она рассчитывала на меньшее.

Домой Катя вернулась почти бегом. Ее одолевало желание немедленно взяться за перевод и не вставать с места, пока он не будет сделан. Катя не радовалась так, даже найдя себе жилье. Вот настоящая работа – достойная, интеллектуальная, высокооплачиваемая. Это вам не на подхвате у Босса, подай-принеси-покарауль. Теперь Катя сможет легко существовать сама, безо всякой родительской помощи, и к тому же заниматься несложным интересным делом. Жизнь налаживается!

Катя забралась с ногами в кресло, взяла привезенный из Пскова словарь, включила компьютер и принялась за дело.

Теткина баллада была не так уж мала. Называлась она лаконично и непонятно: Kenneth. Катя с полминуты поломала голову над загадочным словом и, решив отложить его на потом, обратилась к тексту.

I weird, I weird, hard-hearted lord,
thy fa' shall soon be seen!
Proud was the lilly of the morn,
the cald frost nipt or een...

Прочитав первые четыре строчки, Катя поняла, что над ней злобно подшутили. Этого языка она не знала. Если это и был английский, то Катя учила какой-то другой его вариант. Отдельные слова и даже обороты были ей знакомы, но как только среди строчек начинал брезжить смысл, глаз спотыкался о какое-нибудь непроезжимое буквосочетание, и все безнадежно разваливалось. Англо-русский словарь на пятьдесят тысяч слов тоже оказался бессильным. Катя беспомощно смотрела на текст и чувствовала, как ее мечты о легком и крупном заработке превращаются в дым.

Карлссон, появившийся, как всегда, бесшумно и внезапно, застал Катю в глубокой депрессии, уныло бормочущей: «Ай вейрд, ай вейрд, хад-хартед лорд, зай фа шелл сун би син...»

– Привет, – сказала она, одарив гостя сумрачным взглядом. – Чаю хочешь?

– Нет.

– Ну как хочешь.

Карлссон опустился на стул и замер, прикрыв глаза. Катя уже знала, что ее гость может просидеть так несколько часов.

«Странный он все-таки», – подумала Катя.

«Ай вейрд, ай вейрд... У, проклятый...» – Она с ненавистью поглядела на отксеренный текст.

«Пробник», – сказала тетка. Ничего себе пробник! У, стерва толстая!

«Ай вейрд, ай вейрд...»

На что она надеялась, тупо повторяя непонятный текст. Может, на озарение...

– Ты неправильно говоришь, – внезапно подал голос Карлссон.

– Да? – раздраженно бросила Катя. – Может, ты знаешь, как надо?

– Конечно знаю, – спокойно произнес Карлс – сон.

– Может, ты даже знаешь, что это за язык? – еще более язвительно спросила Катя.

– А ты не знаешь? – Карлссон, кажется, удивился. – Зачем тогда читаешь?

– Читаю, потому что мне надо это перевести! – буркнула Катя. – А знаю я только то, что мне вместо английского текста подсунули черт знает что!

– Черт, пожалуй, знает,– очень серьезно сказал Карлссон.– А ты неправа. Это английский. Только не тот, на котором говорят теперь, а тот, на котором говорили скотты, то есть шотландцы. Правда, давно.

Катя посмотрела на Карлссона. Внешность ее гостя ассоциировалась с боями без правил и бандитскими разборками, но уж никак не с глубокими лингвистическими познаниями.

«Прочитал небось какую-нибудь статейку в желтой прессе – и щеголяет эрудицией,– сердито подумала Катя.– А мне теперь этот шотландский английский переводить!»

– Может, ты даже знаешь, что это значит? – проворчала она.

– Дай-ка... – Карлссон ловко выдернул из Катиных пальцев листок, проворчал: – И буквы все неправильные...

– Ай вирд, ай вирд, хард-хэртид лэрд...¹ Ага... Предрекаю тебе, жестокосердный лорд... Ну примерно так... Скоро узрим мы твое падение... Гордой была лилия утра, но стужа закрыла ее глаза... Ага, это баллада. Дальше читать?

– Читай,– тихонько, еще не веря в свою удачу, проговорила Катя.

– «...Ты презрительно смеялся над плачем бедняков, ты избивал... нет, повергал низших. Так пусть же не оплатит тебя твоя вдова, когда все твои радости сгинут...»

Затаив дыхание, Катя слушала глуховатый негромкий голос, с небрежной легкостью превращавший кошмарный шотландский диалект во вполне связные предложения на русском языке. Иногда Карлссон сбивался, подбирая подходящий русский эквивалент, но все равно, чтобы перевести на русский пять страниц кошмарной баллады, ему потребовалось не больше четверти часа.

– Ты мой спаситель! – восхищенно объявила Катя.

Нет, ну кто мог подумать, что под этим низким лбом...

– Слушай, а можешь прочитать все еще раз – я набью на компьютере?

– Могу,– сказал Карлссон.– Только учти, что это все – вранье². Я знаю эту историю. Вильям и Кеннет Маклауды. А Уолтер, который тогда на них напал, был за англичан, вернее, против Кеннета, потому что Кеннет убил его отца и двух братьев, а англичане пообещали ему воинов, но не дали. Потому Вильям и Кеннет побили его, а не наоборот, как тут написано. И еще долго правили на пограничье. А вот про пророчество всё правда. И прорицателя этого, прихвостня сидов...

Последних слов Катя не услышала, поскольку сказаны они были совсем тихо, а она в это время загружала компьютер...

* * *

Пророчу тебе, жесткосердный лорд,
Что вижу в твоих глазах:
Паденье и смерть, ты спесив и горд,
Но станешь – лишь хладный прах! —

– прочитала толстая тетка-редакторша.

– Что ж, неплохо, совсем неплохо,– признала она.

---

¹ Авторы понимают, что русская «транскрипция» не в состоянии удовлетворительно передать звучание языка, но ничего с этим не могут поделать.

² Желаящие ознакомиться с текстом баллады «Кеннет» могут сделать это, например, по изданию «Английская и шотландская народная баллада», М., «Радуга», 1988. Там же имеется и перевод баллады на русский язык (пер. Игн. Ивановский), к сожалению, весьма далекий от оригинала.

– Там, справа, подстрочник, – сказала Катя. – Я понимаю, что я не очень-то хороший поэт. Да и времени было немного...

– Да, да... – рассеянно пробормотала редакторша, продолжая читать уже про себя. Маска мрачного недовольства, которым она встретила появление Кати на следующее утро после их беседы, постепенно сменялась выражением вполне одобрительным.

– Что ж, – сказала она, закончив чтение. – Вас, вероятно, интересует мое мнение о вашей работе?

– Конечно, интересует!

– Мнение положительное. И даже ваш стихотворный перевод нас вполне устраивает. Если остальной текст будет переведен не хуже, я думаю...

– Он переведен, – Катя полезла в сумку и достала остальные листки. – Вот, пожалуйста...

Редакторша сцапала распечатку и погрузилась в чтение. Время от времени она сверялась с оригиналом. Дважды залезла в компьютер, чтобы проверить точность Катиного (точнее, Карлссонова) перевода.

На то, чтобы прочесть перевод, ей потребовалось вдвое больше времени, чем Карлссону на то, чтобы перевести.

Через полчаса она подняла взгляд на Катю, и во взгляде в этом была смесь удивления и восхищения.

– Как вас зовут? – спросила редакторша.

– Катя.

– Трудно поверить, Катя, что вы сделали это за одну ночь. Признайтесь, вам кто-то помог?

– У меня своя методика, – небрежно сказала Катя, приняв самый высокомерный вид, на который была способна. – Правда, ваш текст оказался сложнее, чем я ожидала. Я люблю архаику, но шотландский диалект английского шестнадцатого века – это не мой профиль. Впрочем, это было даже интересно... Но если я вам подхожу...

– Вы нам вполне подходите! – заверила редакторша.

– ...то давайте поговорим о работе. К сожалению, я занимаюсь переводом не для развлечения, а ради заработка...

– Понимаю, понимаю! – перебила редакторша. – Обычно за текст такой сложности мы платим от тысячи до полутора – за авторский лист. Это сорок тысяч знаков, – уточнила она. – Но в данном случае, поскольку имеет место поэтический текст... Десять рублей за строчку вас устроит?

Катя хотела напомнить о том, что «пробник – бесплатно», но прикинула, что в стихотворении – строчек двести, а отказываться от двух тысяч...

– Устроит, – кивнула она.

– Но деньги только после одиннадцатого числа! – предупредила редакторша. – У нас такой порядок.

– Я понимаю.

– Нам очень нужны переводчики, способные работать со староанглийским, – проникновенно сказала редакторша. – Наш главный хочет выпустить элитную серию... Этот текст как раз оттуда... («Значит, про фэнтэзи ты мне наврала, – подумала Катя. – Ладно, учтем».) Если вы возьметесь, я обещаю вам оплату по самым высоким ставкам. Только это большая работа, имейте в виду. И сроки будут очень жесткие.

– Я возьмусь, – не раздумывая ответила Катя. – Кстати, об этой балладе... Не хотелось бы обижать автора, но он все перепутал. По моим сведениям, не Уолтер разбил Кеннета Маклауда, а совсем наоборот.

Редакторша аж засветилась.

– Ах! – воскликнула она. – Именно Маклауды! Вы знаете! Я ведь защищала кандидатскую по средневековым шотландским балладам! Это как раз моя тема! Вы абсолютно правы,

Екатерина! В этих балладах столько противоречий! Вероятно, потому что складывались они разными кланами...

Расстались они лучшими подругами.

«А она не такая уж противная! – подумала Катя.– Хотя, если бы не Карлссон...»

Глава восьмая

Катя, Лейка и светские сплетни

*Женился как-то эльф на троллихе. Но вскоре решил развестись.
– Чем же она тебе не угодила? – спрашивают у него родственники жены.
– Да смех у нее очень противный, – говорит эльф.
– Правда? А в нашей компании вообще не слыхали, как она смеется, – говорят родственники.
– А я в вашей компании и не раздевался, – говорит эльф.*

Ночью Катю одолевали комары. Наконец она не выдержала. Закрыла окно, зажгла свет, вооружилась газетой и устроила кровососам геноцид. Но и после этого долго не могла уснуть. Всё думала, думала...

Тем не менее утром Катя проснулась бодренькая, сбегала в магазин, накупила всякой всячины: пирожное терами-су, мороженое, фруктовый десерт и маленькую коробочку конфет с ликером. Всем этим Катя роскошно позавтракала, а затем занялась делом: поставила с диска на компьютер аж три англо-русских словаря. И еще «Диабло». Поиграла немножко в ожидании Карлссона. Но вместо Карлссона заявила Лейка.

– Кла-а-асс! – восхищенно протянула Лейка, окидывая взглядом квартиру. – Что ты с ней сделала?

– Просто прибралась, – скромно сказала Катя.

– Ты тут прямо босиком ходишь?

Лейка тут же скинула босоножки.

– С самого утра сегодня бегаю по городу, ужас как ноги устали, – щебетала она. – Кстати, заноз себе в пятки насажать не боишься? Помню, зимой Сережка тут устроил танцы, зазвал всю нашу компанию, а я попала каблуком в щель между досками, и каблук отломился. И все, настроение испорчено, уже не до танцев, не говоря уже о том, что туфли пропали... Нет, все-таки как тут все изменилось! Можно выйти на крышу?

– На крышу?

– Ну, этот твой балкон.

– Пожалуйста, – разрешила Катя. – Хочешь чаю?

– Ах да! – Лейка вернулась в прихожую и достала из сумочки корзинку «Рафаэлло». – Это тебе. С новосельем!

Лейка с треском раскрыла высокое окно и вылезла через него наружу. В мансарду ворвался теплый пыльный ветер.

– Вау, как тут жарко! А крыша как накалилась! – донесся ее голос снаружи.

Катя поставила чайник. Через пару минут Лейка влезла обратно, принялась выдавать советы по оформлению квартиры, а заодно делясь своими взглядами на всё на свете. Кате оставалось только эмоционально реагировать и изредка подавать реплики.

– Ты еще не устраивала никакого пати в честь новоселья? – спросила Лейка. – Небось гости одолевают?

– Нет... только Сережа заходил. Вон, мартини принес. И водку.

– Ага, мартини! Осталось?

– Нет. Только водка.

– Жалко! Сережка как, обольщать тебя еще не пробовал? Он у нас любвеобильный... – Лейка хихикнула.

– Я бы сказала – «озабоченный», – проворчала Катя, открывая «Рафаэлло». – Если это теперь называется «обольщать»... – Она вспомнила, как Сережка мыл пол в туалете, и невольно хихикнула.

– Смело посылай его на все четыре! – заявила Лейка. – Сережку посылать можно и нужно.

Она элегантно положила ногу на ногу, отпила чаю и принялась рассуждать о жизни. Собственно, о чем бы она ни рассуждала, разговор неизменно сползал на парней. Вернее, на бывших, настоящих и будущих парней Лейки.

– Терпеть не могу инфантильных! – декларировала она. – Парень должен быть самостоятельным, слегка грубым, обязательно хорошо одеваться... Вот как Стасик... Помнишь Стасика? Такой высокий, мускулистый.

Катя не помнила.

– Мужчина должен быть мачо! – Лейка откусила полконфеты. – Знаешь, какое слово говорит девушке при знакомстве настоящий мачо?

Катя не знала.

– Он говорит ей: «Пойдем!» – сообщила Лейка. – Хотя тут можно нарваться, особенно если ничего о человеке не знаешь. За мной в том году ухаживал такой – цветы дарил каждый день, по театрам водил – но мой папа его быстро раскусил. Выяснилось, что он – голь и нищета, типичный охотник за жилплощадью. Естественно, я его послала подальше. Поэтому очень важно, чтобы парень был из хорошей семьи. Вот Стасик. У него папа – круче просто некуда. А с виду такой тихий, маленького роста, улыбается все время, пушистенюкая такая лапочка. Я один раз встретила его в школе, он мне говорит, ласково так: «Ах Лейла, как вы повзрослели, похорошели!» А глаза – как два пистолета. Ну я дурочкой прикинулась и потихому смылась. Не нужны мне его комплименты, обойдусь как-нибудь, от греха подальше. А сам Стасик, он нормальный. Спортсмен. На сноуборде катается. У нас как-то в школе был опрос – что для вас самое главное в жизни. Стасик написал: сноуборд, секс и школа, – Лейка захихикала. – Именно в таком порядке.

– А по-моему, главное, какая у человека душа, – сказала Катя.

Лейка посмотрела на нее с удивлением.

– Ну, в смысле, чтобы парень был яркой личностью, – покраснев, поправилась Катя. – Умный, неординарно мыслящий...

– Тогда тебе обязательно понравится Димка, – перебила ее Лейка. – Это Вадькин друг, тоже из нашей компании. К нему, правда, Дианка клеится – это моя подруга, я тебе о ней потом тоже расскажу, – только это не по ней добыча. Димка, кстати, тоже в пед документы подал, только на психологию. Он хотел в универ, но самому туда не попасть, а отец его вроде бы денег давать не хочет... Димка увлекается социальной психологией. Управление народными массами, влияние на сознание, рекламные технологии, промывание мозгов и все такое. Мнесто он не особенно нравится. Действует на меня подавляюще. Слишком самоуверенный...

Катя попыталась представить кого-то более самоуверенного и подавляющего, чем Лейка, но не смогла.

– Даже если он мне понравится, не думаю, что он мной заинтересуется, – с сомнением сказала она.

– Не бойся, заинтересуется, – твердо заявила Лейка. – Можно подумать, их мнение кто-то спрашивает! Ты, главное, веди себя посмелее.

А то у тебя такая манера поведения – ты извини, конечно, – как будто ты серая мышка. Вон Дианка. Ты ей только не передавай, но посмотрим правде в глаза – не красавица. Даже хорошенькой можно назвать с трудом. Лицо как у монголки, глаза выпученные... Да и умом, прямо скажем, – дурочка. Но она твердо уверена в том, что она – лучше всех. Знаешь, есть такие девчонки – правильные-правильные. Отличницы. Из-за четверок до десятого класса плачут.

Гордость родителей, одним словом. Ну мы-то с тобой – не такие. Хотя родители мной гордятся, чего уж отрицать. А Дианка...

Катя сообразила, что речь, должно быть, идет о той темноглазой девочке, которая так недоброжелательно отозвалась о Лейке в конце вечеринки. Уж больно похожи были ее и Лейкины интонации.

– Теперь представь, такая правильная девочка, и при этом полная дура. Ну не полная, так это еще хуже. Подходит как-то эта Дианка ко мне на перемене и важно так говорит: я пишу бизнес-план по всемирной экономике – это у нас был предмет такой, – а ты будущий лингвист, так придумай мне красивое мифологическое название для международной транспортной фирмы! Мне что, я придумала – АО «Харон». В шутку, естественно. Что ты думаешь – она так и написала, и училке в таком виде сдала! Вот смеху было! Если чего-то в голове не хватает, то это диагноз. Ты не подумай ничего такого, мы с ней подруги. Но передавать ей ничего не вздумай! – строго предупредила Лейка.

«Хороши подруги, – подумала Катя. – Да и компания... своеобразная. Хотя это ведь все с Лейкиных слов...»

– А нормальные люди у вас в компании есть? – слетело у Кати с языка.

– У нас в компании все классные! – обиделась Лейка. – Подожди, я тебя с Наташкой познакомлю, ты вообще обалдеешь. Или от зависти умрешь на месте. Хорошо мне, я не завистливая. Наташка – моя лучшая подруга. Такая красавица! Натуральная платиновая блондинка с кошачьими глазами, тип «снежная королева». Я, может, тоже как-нибудь в пепельно-русый покрашусь...

Лейка неожиданно захохотала, как будто вспомнив что-то очень смешное.

– С ней недавно такой случай произошел! Короче, она влюбилась в нашего учителя физики. Не безнадежно, разумеется. Любовь просто душераздирающая. Физик чуть с женой не развелся. Так вот, Наташка, чтобы физика окончательно добить, пошла в дорогой салон, сделала себе вечерний макияж, волосы уложила и в таком виде явилась в школу. И попала на глаза нашей директрисе. Директриса увидела Наташку, озверела, схватила ее за укладку, потащила в туалет и там весь макияж смыла! Хозяйственным мылом, холодной водой, чуть ли не половой тряпкой! У Наташки потом все лицо так распухло...

Лейка залилась радостным смехом. Кате история такой уж смешной не показалась.

– Директриса у нас была просто зверь, никого не боялась. Чего ей бояться, с другой стороны, она с самим губернатором дружит. В итоге пострадал физик. Наташка до физика со Стасиком встречалась, так Стасик с компанией этого физика встретил на футболе и так его исколошматил, что он потом в больницу попал. А он их даже не узнал. Или узнал, но притворился, на всякий случай. У Стасика отец крутой, мало ли что. После физика Наташка опять со Стасиком сошлась. Но сейчас они, по-моему, снова разбежались...

Катя молча кивала, поскольку рот у нее слипся от «Рафаэлло». Все эти Лейкины одноклассники давно перемешались у нее в голове.

– Стас мне и самой нравится, – продолжала Лейка. – Но не настолько, чтобы отбивать его у подруги. Хотя, в принципе, я живу по правилу «девушка не столб, надо – отодвинем!». Ты со мной согласна?

– Не знаю, – со вздохом сказала Катя. – Я ни у кого пока парней не отбивала.

– Ты просто еще маленькая, – покровительственно сказала Лейка. – У тебя еще все впереди.

Я сначала тоже про тебя подумала – ну и девочка-припевочка, а потом пригляделась – нет, в тебе чувствуется нечто неукротимое!

От такой характеристики Катя даже жевать перестала. Она с изумлением взглянула на гостью.

– Я разбираюсь в людях,– с достоинством произнесла Лейка.– Мне нравятся сильные личности, а ты именно такая. Я вижу, что ты многого добьешься в жизни.

– Спасибо,– сказала Катя, взглянув на Лейку с большей симпатией, чем прежде. Катя была польщена. Но она абсолютно не понимала, каким образом Лейка умудрилась обнаружить в ней силу и неукротимость.

Допив чай, Лейка взглянула на часы и засобиралась на выход.

– Так договорились? – спросила она, стоя в дверях.

– О чем?

– Когда мы к тебе приходим?

– Кто «мы»?

– Как – кто? – удивилась Лейка.– О чем мы, по-твоему, целый час толкуем? Наша дружная компания: Наташка, Стасик, Дианка, Сережка, Димка, я... Надо же по-нормальному отпраздновать новоселье или нет? Например, послезавтра или лучше завтра, ближе к вечеру?

– Ну приходите,– от неожиданности согласилась Катя.

Глава девятая

Кое-что об эльфах

Как-то три пещерных тролля наткнулись в недрах горы на заплутавшего спелеолога.

– Ты – кто? – спросили они.

– Я – человек! – гордо ответил спелеолог.

Пещерные тролли никогда не видели людей, поскольку слепыми были от рождения.

– А что такое – человек? – спросил один из троллей.

Его сородич пощупал и сказал:

– Человек – это нечто плоское, липкое и мокрое.

И двое других, тоже пощупав, с ним согласились.

«Fair lady Isabel sits in her bower sewing

Aye as the gowans grow gay

There she heard an elf-knight blowing his horn

The first morning in May...»

«Прекрасная леди Изабел сидит в тереме и шьет,

А вокруг цветут одуванчики.

И тут она слышит рыцаря-эльфа, трубящего в рог

Первым утром мая...»

Да, со второй балладой у Кати дело пошло намного веселее, чем с первой. Во-первых, она была на «простом» староанглийском, безо всяких шотландских диалектизмов, во-вторых, теперь у нее были словари, а к архаичному языку и дикому строю фраз Катя понемногу привыкала. Ее не смущали больше сокращения слов и апострофы, а старинные слова не столько усложняли, сколько украшали текст. А главное – сама баллада ей нравилась куда больше. Три четверти предыдущей занимало описание подготовки к сражению, самого сражения и его последствий. Что может быть скучнее? В этой же балладе не было никаких «батальных сцен», зато присутствовали такие увлекательные вещи, как любовь, смерть и волшебство.

Называлась баллада «Леди Изабел и рыцарь-эльф».

Катя читала текст, изредка спотыкаясь на всяких «wi a sma» и «sae sair», и удивительно легко и ярко представляла себе происходящее в балладе. Вот юная и прекрасная Изабел вышивает гобелен у раскрытого окна, а на улице самое чудесное время, начало мая: молодая зелень, луг, усеянный золотыми одуванчиками, солнце всходит над лесом... А когда раздастся звук охотничьего рога и перед окном появится прекрасный рыцарь в зеленой одежде, сердце так и затрепещет...

Красотка Изабелла сидит над рукодельем,

К стежку кладет стежок.

Так первым утром мая сидит и вышивает...

Чу! Эльф трубит в свой рог!

– Ах! – леди Изабелла иглу в парчу продела.

– Мне душно взаперти!

Ах, я томлюсь, мечтаю: то не парча золотая —

Эльф у моей груди.

– ...and yon elf – knight to sleep in my bosom! – произнесла Катя вслух.

– Что ты сказала? – В дверном проеме стоял Карлссон.

Катя так и не услышала, как он пришел.

– «...And yon elf – knight to sleep in my bosom!» «Ах, если бы эльф-рыцарь уснул на моей груди!» – перевела Катя, улыбаясь гостю. – Но чтобы ритм сохранить и в рифму – точно не получится, поэтому «Эльф у моей груди». Это очередная баллада. Видишь, как я наловчилась переводить?

– А-а-а, баллада... – произнес Карлссон, как показалось Кате, с облегчением.

– Ну да! Классная, в отличие от предыдущей.

И намного проще. Я могла бы и сама справиться, но ты все равно бери стул и садись поближе. Будешь мне слова подсказывать. Вот что такое gowans?

– Старое слово, то же самое, что dandelions, – Карлссон послушно опустился на стул рядом с Катей. Стул жалобно захрустел. – Одуванчики. А о чем баллада?

«Не хочешь ли отправиться со мной в зеленый лес? – набирала тем временем Катя подстрочник. – Не желаешь пешком, так поедем верхом...»

– О девушке и эльфе, – ответила она.

– И что, он ее похитил? – очень серьезно спросил Карлссон.

– Почему сразу похитил? Она сама с ним поехала в лес кататься. А эльф завлек ее в чащу и говорит... – Катя заглянула в текст: – «...Мы прибыли на место, где придется тебе умереть!» Но девушка его перехитрила, навела на него сонные чары и ... Что такое slain?

– Зарезать. Дай-ка посмотреть, – сказал Карлссон, протягивая руку к распечаткам.

Минуты две оба молчали. Катя набирала текст, Карлссон внимательно читал.

– Я бы хотела встретить эльфа, – мечтательно сказала Катя. – Представь, как здорово. Сидишь ты рано утром у окна. На дворе первое мая – тепло, солнышко светит, птички поют, одуванчики цветут. И тут из лесу выходит эльф...

– Первого мая? – проворчал Карлссон, отодвигая распечатку. – Ты, Малышка, хоть понимаешь, чего хочешь?

Катя подняла голову и посмотрела на суровое лицо гостя.

– Что? – с насмешкой спросила она. – Опять в балладе все исторически неправильно?

Карлссон хмыкнул.

– «Неправильно...» Скажешь тоже! Все шиворот-навыворот. Дохлая лошадь в кленовом сиропе! Сразу видно, что сочинял какой-нибудь человек-менестрель в коротких пестрых штанишках!

– Ну да! Конечно, это леди Изабел игрой на клавесине выманила эльфа из леса, чтобы соблазнить! – желчно сказала Катя. Она обиделась за понравившуюся ей балладу. – А эльф обиделся и ее убил. Так, да?

– Глупости! – отрезал Карлссон. – Не стал бы сид убивать знатную девушку в ее доме! Не те тогда были времена.

– Какой еще сид? – заинтересовалась Катя.

– Эльф. Они себя сидами называют... Называли, – поправился он, но Катя на его оговорку не обратила внимания.

– Сид – это эльф? Первый раз слышу, – с сомнением произнесла она. – Ну допустим...

– Про «народ холмов» ты тоже не слышала?

– Ну почему же! Не такая уж я серая! – возмутилась Катя. – И про полые холмы я читала. И про то, что эльфы туда людей заманивали, а потом выпускали – через сто лет!

Карлссон фыркнул.

– Ты не смейся! – снова обиделась Катя. – Я не мифолог какой-нибудь! Что читала, то и говорю!

А если ты все знаешь, то, может, расскажешь, как было дело у этого эльфа и Изабел? – язвительно предложила она.

– Может, и расскажу, – сказал Карлссон. – Хотя сразу предупреждаю: именно этой истории я не знаю. Зато хорошо знаю сидов.

– ... И девушек! – поддела его Катя.

– Я ведь могу и не рассказывать, Малышка, – предупредил Карлссон.

– Ладно, ладно! Я молчу и внимаю...

– Внимай, – серьезно сказал Карлссон. – Может, в жизни тебе пригодится. Хотя надеюсь, что нет. – Он устроился поудобнее. – Запомни: смертная девушка с эльфом ничего сделать не сможет. Если он захочет выманить ее из дома, то выманит. Если захочет убить, то убьет. Эта Изабел могла воображать, что позвала эльфа, но мне совершенно очевидно: сид пришел сам. Пришел, очаровал, заманил в лес, на нужное место, и убил. Может, и существовала в Шотландии девушка, которой бы удалось перехитрить эльфа, но лично я таких историй не припоминаю. Другое дело, если бы она сама была опытной колдуньей и знала, на что и с кем идет. Но опытная колдунья обычно малопривлекательная старуха, абсолютно непригодная для жертвоприношения...

– Какого еще жертвоприношения? – перебила Катя.

– Там же все прямо сказано, – удивился Карлссон.

– Где?

– Здесь! – Карлссон ткнул толстым пальцем в строчку. – Ты что, читать разучилась? В каждой строфе! «The first morning in May... The first morning in May...»

– Ну и что? – удивилась Катя.

– Как что? – Карлссон посмотрел на нее с изумлением. – Ты не знаешь, что такое первое мая?

Катя напряглась и вспомнила:

– День мира и труда! Его коммунисты празднуют.

Карлссон усмехнулся, похлопал ее по руке:

– Первого мая, Малышка, все, даже глупые человечки, отмечают бельтайн, – сообщил он.

Теперь настал черед Кати удивляться.

– Что это такое – бельтайн?

– Большой праздник весны. Нет, ты правда не знаешь? В России его тоже отмечают, я сам видел. Правда, обряды немного другие, но тоже костры жгут, совокупаются, купаются... Правда, купаются без факелов...

– Подожди, Карлссон, я совсем запуталась! Ладно, про бельтайн я поняла, но при чем тут эльфы?

– Эльфы, отмечая бельтайн, забирают человеческие жизни, – сообщил Карлссон.

– Значит, ты утверждаешь, этому рыцарю-эльфу из баллады просто нужна была девушка для ритуальной жертвы?

– Я ничего не утверждаю, – заявил Карлссон. – Я же тебе сказал, что не знаю этой истории. Но если в бельтайн эльф увел девушку в лес, то вряд ли – одуванчиками любоваться.

– Странно это все, – подумав, сказала Катя. – Почему тогда эльфов всегда изображают прекрасными, добрыми?

– Люди, – уточнил Карлссон. – Люди изображают эльфов прекрасными и добрыми. Потому что эльфы кажутся им прекрасными и добрыми.

– А на самом деле они ужасно уродливые и злые?

– Да нет, – покачал головой Карлссон. – Я бы так не сказал. Людей они убивают не так уж часто. И на это всегда есть особые причины – зашел человек куда не надо, ненароком нарушил

какой-нибудь запрет... Или для жертвы в честь какого-нибудь праздника – праздновать они любят. Нет, убивали людей не часто. А вот похищали – да. Молодых парней и девушек. Сидам люди всегда нравились.

– Людям, наверное, тоже, раз ты сам признаешь, что они – красивые!

– Лошадь тоже красивая, – сказал Карлссон. – Или сокол.

– Но ведь эльфы похожи на людей!

– Похожи, – согласился Карлссон. – Обычному человеку и не отличить.

– Тогда при чем тут лошади? Если человек думает, что перед ним человек...

– Это человек думает, – перебил Карлссон. – Но сид всегда точно знает, кто перед ним.

Впрочем, иногда это необходимо. Бессмертным.

– Почему? – спросила Катя.

– Жизнь. Бессмертные, чтобы оставаться бессмертными, должны время от времени брать у смертных жизнь.

– И как они это делают?

– По-разному. Но сиды, они никогда меры не знали, потому если уж к ним попадал кто-то из человечков, то отпускали его только тогда, когда... В общем, даже если и отпускали, то умом он или она повреждались окончательно. Когда вокруг человечка одни сиды, человечку так и так пропадать. Но так было раньше, когда сиды не могли жить среди людей.

– А теперь – могут?

– А теперь – могут, – подтвердил Карлссон.

– погоди! – сказала Катя. – Ты что, хочешь сказать, что эльфы существуют на самом деле?

– Разумеется, существуют, – невозмутимо сказал Карлссон.

– Ты – серьезно?

– Абсолютно!

– И ты сам их встречал?

– Встречал.

– Не верю! – заявила Катя. – Ты меня разыгрываешь! Не поверю, пока сама не увижу! Если хочешь, чтобы я тебе поверила, – покажи мне настоящего эльфа! И пусть он докажет, что он действительно эльф!

– Не получится, – сказал Карлссон. – Если я встречу эльфа...

– Ну вот! Я так и знала! – перебила Катя. – Всегда найдется отговорка!

– ...и узнаю его, – невозмутимо продолжал Карлссон, – то вряд ли сумею его с тобой познакомить.

И добавил что-то не по-русски.

– Что ты сказал?

– Я сказал, что эльфа настолько... м-м-м... огорчит наша встреча, что до знакомства с тобой дело уже не дойдет.

Глава десятая

Катя решает измениться к лучшему и знакомится с хозяйкой модного салона

Жил-был эльф. И было у него косоглазие. Пошел он однажды куда глаза глядят... и порвался.

Предстоящая вечеринка, помимо неопределенного радостного подъема, вызывала у Кати легкую панику. Легкомысленная Лейка не сообщила ей ни кто придет, ни когда, ни что с гостями делать. Хорошо хоть сказала, что еду и музыку гости принесут с собой. Денег у Кати было в обрез. От того, что ей дали в дорогу родители, осталось совсем мало, и этот остаток Катя намеревалась потратить на себя. Пусть у нее в доме пусто, но выглядеть замухрышкой на фоне питерских красавиц она не собиралась. Тем более скоро она получит гонорар.

Приняв решение, Катя позвонила Лейке и объяснила, что хочет заняться своей внешностью, но не знает, с чего начать.

– А как у тебя с деньгами? – сразу поинтересовалась практичная Лейка.

– Есть кое-что...

– Ты конкретно чего хочешь? Прическа, одежда, стиль?

– Всё сразу.

– Тогда так. Одежду все продвинутые люди сейчас покупают в «Кислороде» – это, кстати, от тебя рядом, минут десять по Невскому к площади Восстания. Маленький такой бутик, но есть из чего выбрать, и совсем не дорого. А потом, когда затоваришься, еще метров через двадцать сверни в подворотню, пройди три двора насквозь и увидишь такую зеленую с золотом вывеску «Вечная молодость». Это оздоровительный центр, там же у них и парикмахерская, и визаж, и черт в ступе. Там не какой-нибудь банальный салон красоты, а творческая студия, они во всяких конкурсах участвуют, работают только с элитой, и поэтому цены, честно говоря, не для простого народа. Но ты не бойся, у меня там знакомая девочка работает, Оля, она стилист, международный призер, я тебе дам ее телефон, и она сделает тебе скидку. Объясни ей ситуацию, и она сама подберет тебе и прическу, и макияж – в общем, создаст индивидуальный образ...

– Именно это мне и надо! – обрадовалась Катя. – Давай телефон, записываю...

Из «Кислорода» Катя вышла с ног до головы во всем новом, стильном и модном, осторожно выступая в невесомых босоножках и чувствуя себя так, будто сменила кожу. Бедра туго обтягивали ядовито-голубые джинсы с алыми бархатными вставками на коленях; с черной футболки мрачно смотрело на мир анимэшное большеглазое существо непонятного пола с самурайским мечом наперевес. Прозрачные пластиковые босоножки, которые стоили столько, сколько в Пскове стоят хорошие зимние сапоги, переливались всеми цветами радуги; продавец уверял, что они накапливают свет и будут светиться в темноте. Вообще насчет дешевизны Лейка слегка погорячилась: после всех покупок денег у Кати осталось разве что на скромную стрижку в районной парикмахерской. Катя прошла двадцать метров и в нерешительности остановилась перед подворотней. Может, имело смысл отложить посещение «Вечной молодости» до получения гонорара? Здравый смысл подсказывал, что до десятого надо еще чем-то питаться. «Проживу как-нибудь на чае с хлебом. Зато стану стройная, как Кейт Мосс! ³» – решила Катя.

Здравый смысл обреченно умолк.

---

³ Фотомодель, отличающаяся исключительной худобой.

«Вечная молодость» пряталась во дворах.

Нырнув под зелено-золотистую вывеску, Катя спустилась на несколько ступенек и оказалась в прохладном холле цокольного этажа, белые стены которого пестрели плакатами и фотографиями известных личностей шоу-бизнеса в обнимку со своими гримерами и стилистами. Напротив двери светился изнутри стеклянный стеллаж с разнообразной косметикой. Рядом, за компьютерным столом, листала журнал «Nair» молодая девушка невероятной красоты, посаженная тут явно ради рекламы косметических достижений «Вечной молодости». Она была пугающе похожа на существо с мечом на Катиной футболке.

– Добрый день, – сказала Катя.

Девушка оторвалась от журнала и выжидающе посмотрела нечеловечески огромными глазами. Приглядевшись, Катя поняла, что глаза умело накрашены, а двухсантиметровые ресницы, кажется, вообще приклеены.

– Вы не подскажете, где тут Оля?

– Вы записаны? – лениво спросила эльфийская красавица.

– Нет, но мы созванивались...

– Направо, вторая дверь, в зеркальный зал.

Катя побрела в указанном направлении. С обеих сторон ее сопровождали фотографии диковинно раскрашенных моделей обоего пола. Кате бросился в глаза красавец, разрисованный с одного бока под джентльмена во фраке, а с другого – под даму в вечернем платье. На ладонях у него были нарисованы черные и красные фишки.

«Неужели и меня так распишут?» – с опаской подумала она, открывая указанную дверь.

Зал был невелик, но казался огромным из-за зеркальных стен. Вдоль стенок тянулись ломящиеся от косметики полки, перед ними стояли высокие хрупкие насесты. В дальнем конце зала перебирала косметику крупная девушка с короткими черными волосами.

– Ты Катя? – негромко спросила она. – Садись сюда.

Катя взгромоздилась на насест, чувствуя себя растянутым на мольберте холстом.

У суперстилиста Оли была квадратная фигура, холеная кожа и холодный изучающий взгляд. Она бесцеремонно взяла Катю за подбородок и принялась вертеть как куклу, рассматривая со всех сторон с хмурым видом.

– Чего хотим? – спросила она.

– Подобрать стиль... и имидж.

– Стиль, девочка, подобрать нельзя, – сухо сказала Оля. – Он или есть, или его нет. Все зависит от того, обладаешь ли ты индивидуальностью. Если как личность ты ноль, то никакой стилист не поможет.

– А имидж? – слегка испуганно спросила Катя.

– Имидж – это совсем другой вопрос, – пробормотала Оля, выковыривая из стенда с косметикой какие-то коробочки и ставя рядом их перед собой на полку. – И прежде всего это вопрос денег...

Катя, совсем оробев, пробормотала что-то о скидке. Оля поморщилась.

– Не дергай головой, я подбираю тушь. Не беспокойся, Лейла меня предупредила, что ты малоимушная. Думаю, долларов в двести мы уложимся.

Катя на мгновение замерла, а потом решительно полезла с табуретки.

– Слушай, я не могу работать, когда ты все время вертишься... – недовольно начала Оля.

– Олечка, ты здесь? – раздался нежный голос из коридора. – Уже трудимся?

Оля сразу выпрямилась, подобралась. На ее лице появилось натренированное выражение безграничной радости.

– Кариночка, как ты сегодня рано! – воскликнула она. – Это хозяйка, – шепнула она Кате.

В зеркальный зал легким шагом впорхнула красивая женщина лет тридцати, стройная и мускулистая, как гимнастка. Катю поразила ее прическа: длинные волосы, завязанные на

макушке в хитрый узел, торчали во все стороны, как лучи заходящего солнца. Сходство усугублялось багровым оттенком шевелюры.

При виде хозяйской прически Оля всплеснула руками и испустила восторженный визг:

– Вау, какая прелесть! Экстрим!

– Привет, девочки, – ослепительно улыбаясь, поздоровалась хозяйка и с откровенным удовольствием посмотрелась в зеркало.

– Я только что от Альбертика. Два часа меня мучил, противный. Сегодня ночью дефиле в «Голливудских ночах», а потом у меня там же мастер-класс. Пусть и на мастера полюбуются, хи-хи, не только же на моделек смотреть... Заодно и студии реклама.

– Душат слезы, – с надрывом прошептала Оля, рассматривая пылающую конструкцию.

Хозяйка благосклонно улыбнулась:

– Альбертик сегодня в образе. Хочешь, иди к нему, пока у него не иссяк творческий порыв. Он и тебя раскрасит.

– У меня вообще-то клиент, – кисло сказала Ольга.

Карина скользнула взглядом по Катиным волосам, встрепелась. Катя встретила в зеркале ее профессиональный оценивающий взгляд. Глаза у Карины были тщательно накрашенные, неестественно-синие.

«Цветные линзы носит, наверняка», – с легкой завистью подумала Катя. Она уже года три хотела такие.

– Ой, какая птичка к нам прилетела, – проворковала Карина. – Беленькая, нежненькая... Иди к Альбертику, Олюнь, я сама ей займусь. Кстати, – в ласковом голосе мелькнула угроза, – чтобы я последний раз видела тебя с когтями.

Оля виновато опустила глаза:

– Но это же обычный рабочий маникюр...

– Вот рабочий маникюр! – Хозяйка продемонстрировала тонкую кисть руки, невзначай прикоснувшись к щеке Кати. – Прозрачный лак, длина максимум два миллиметра от подушечки. Всё, свободна.

Громоздкая Оля поспешно удалилась, и Катя осталась наедине с хозяйкой.

– Ну, радость моя, приступим... – начала Карина.

– У меня нет двухсот долларов, – быстро сказала Катя. – И ста тоже нет. И пятидесяти...

Хозяйка возмущенно отмахнулась:

– Прелесть, зачем мне твои копейки! Ты ведь первый раз у нас, да? Первый раз – бесплатно.

Карина запустила пальцы в Катины волосы и принялась поворачивать ее голову туда-сюда, рассматривая со всех сторон. Пальцы у нее были твердые, как дерево.

– Ах, какая кожа! Не понимаю, зачем тебя вообще сюда занесло? – Голос Карины журчал, как ручеек. – В твоём возрасте тебе в принципе не нужна косметика. Тебе ведь лет семнадцать? Такое кипение стихий... такой заряд жизненной энергии... такой выплеск гормонов... Ты ведь еще девственница, да? Голову чуть левее, пожалуйста... У девочек в твоём возрасте, к сожалению, часто бывают проблемы с кожей, но ты просто уникал, давно такого не видела. И какие нежные губы... Тебя же любой макияж состарит... А вот бровки подкорректировать не мешало бы...

– Я хотела, чтобы мне помогли найти свой стиль, – сказала Катя, когда Карина наконец выпустила ее голову и пошла к стенду с косметикой.

– А я чем сейчас занимаюсь?

Карина вернулась через полминуты с ворохом баночек и коробочек.

– Твой стиль – весна. Робкая, но полная скрытой чувственности весна в горной долине. Первая зелень, похожая на изумрудный туман...

Руки Карины легко заскользили по Катиному лицу, нанося основу под тон.

– Спящие озера, с которых еще не везде сошел лед... Сизые вечерние тени...

Катя сидела, закрыв глаза, и чувствовала, как ее лицо то чем-то протирают, то припудривают, то водят острой кистью по векам... Кажется, Карина, забыв о собственных словах, намеревалась нарисовать поверх Катиного лица какое-то другое.

– Цветение дикого шиповника на неприступных скалах...

Сладко пахнувшая липкая кисточка мазнула Катины губы.

– Немного прозрачного блеска... Ну, погляди на себя.

Из зеркала на Катю широко распахнутыми глазами смотрела русалка. Или фея. Казалось, ветер подует – и она улетит, растает как туман. Как прекрасное неземное видение.

– С волосами ничего делать не надо, – сказала Карина, любуясь на дело своих рук. – Не вздумай стричь или, не дай Бог, красить. Натуральная блондинка – это такая редкость... Сейчас все норовят перекраситься в какой-нибудь неестественный цвет. Мне и то пришлось, по работе...

Карина еще раз взглянула на Катю и вздохнула:

– Жалко, что эта пора человеческого расцвета так коротка. Шесть-семь лет... Тебе, детка, этого еще не понять. Для тебя семь лет – это полжизни, да?

– Но это же естественно – взрослеть, – пискнула Катя. – И разве обязательно в двадцать пять становиться дурнушкой? Вот вы, Карина, просто потрясающе выглядите!

– Я – это другое дело, – заметила хозяйка салона. – Но ты, детка, тоже не огорчайся раньше времени. Есть много способов сохранить подольше мимолетную человеческую красоту. Главное – не упустить время...

От Карины Катя вышла в полном восторге, унося список косметических препаратов, заботливо составленный хозяйкой «Вечной молодости» для поддержания Катиной «мимолетной» красоты. Красавица в холле куда-то смылась, и Катя задержалась в коридоре, чтобы посмотреть фотографии знаменитостей.

– ...Что значит «не хочет»? А ты дожимай! За что я тебе деньги плачу? Из своих возвращать будешь! – донеслось вдруг из-за полуоткрытой двери зеркального зала.

Катя не удержалась и заглянула. Карина, стоя боком к двери, кого-то распекала по телефону. Теперь, когда ее никто не видел, ее ухоженное лицо выглядело жестким и властным, почти мужским. Катя, слегка шокированная такой переменой, подумала, что Карине, наверно, не тридцать лет, а все сорок, если не больше.

Глава одиннадцатая

Вечеринка

Однажды два юных тролля, брат с сестренкой, лепили из снега человечка.

Когда человечек был готов, братишка сказал:

– Сбегаю в пещеру за морковкой!

– Возьми две, – сказала сестренка. – Нос ему тоже сделаем.

Вернувшись домой, Катя обнаружила там Карлссона. В своем неизменном спортивном костюме он восседал за столом и читал распечатку очередного перевода.

– Привет, – сказала Катя.

– Привет.

В его взгляде не было никакого восторга. А Катя так надеялась, что он оценит ее новый имидж.

– Будешь работать?

– Нет, – ответила Катя. – Ко мне сейчас гости придут.

Карлссон кивнул. Не поинтересовался, что за гости. Не спросил: «Я не помешаю?» Словом, не сделал ровно ничего, что положено любознательному, вежливому и воспитанному человеку.

– Есть хочешь? – поинтересовалась воспитанная и вежливая Катя. – Есть конфеты и сыр.

– Сыр давай, – согласился Карлссон.

«Ну как же тебя выпроводить?» – думала Катя.

Она так ничего и не придумала, когда первой заявила Лейка.

Накрашенная, разодетая. Вернее, полураздетая Лейка – в красном облегающем платье на шлейках, с глубоким вырезом на спине до самых трусиков.

При виде Кати, преображенной Карининой магией, Лейка замерла. Затем на лице ее отразилась целая гамма эмоций – от зависти до восторга с легкой примесью суеверного страха.

– Ты что с собой сделала? – с благоговением прошептала она. – Пластическую операцию?

– Это называется «Весна в горах», – скромно пояснила Катя. – Просто такой легкий грим.

– Ну Оляк дает! Мастер! Волшебница! Срочно к ней записываюсь...

– Это не Оля. Это их хозяйка, Карина, это она меня так расписала.

– А, ну тогда понятно... – Лейка как-то сникла. – Это нам, простым студентам, не по карману.

– Мне в честь первого раза бесплатно сделали, – похвасталась Катя.

– Повезло, – завистливо буркнула подруга. – А прикинулась, судя по «кислотному» привкусу, в «Кислороде»?

– Ага. Ты меня так выручила своим советом, – вдохновенно сказала Катя. – Если бы не ты...

– ...ты бы так и ходила примерной школьницей! – Лейка сразу повеселела. – То-то! Со мной не пропадешь! Теперь все парни твои. Смотри, не вздумай отбивать у меня поклонников! – Лейка остановилась перед зеркалом. – Ты одна? – спросила она, прихорашиваясь. – Никого из наших еще нет?

– Нет, ты первая. Но я не одна.

– О-о-о! А кто у тебя? – оживилась Лейка. – Парень?

– Скорее, мужчина.

– Серьезно? Бойфренд?

– Нет, просто знакомый.

– Отлично! – Лейка состроила кокетливую гримаску, поправила «небрежно» упавшую на щеку прядку и, опередив Катю, устремилась в комнату.

– Здра-авствуйте! – Лейка обольстительно улыбнулась, одновременно окидывая Карлссона оценивающим взглядом.

Похоже, Катин друг ее не особенно впечатлил.

– Это Лейла, – представила ее Катя. – А это Карлссон. Он тут... по соседству живет.

– Карлсон? – Лейкины глазки заинтересованно блеснули. – Карлсон! – Она плюхнулась на диван рядом с Катиным знакомцем, светски закинула ногу за ногу. С точки зрения Кати, ноги эти были несколько толстоваты, но, говорят, многим мужчинам нравятся именно такие... мясистые.

К удовольствию Кати, Карлссон к этим «многим» не принадлежал, поскольку на загорелые прелести даже не посмотрел.

– Не Карлсон, а Карлссон! – недовольно уточнил он. – Карлс-сон. Два «с».

– Вы случайно не швед? – кокетливо проговорила Лейка. – Я тут как раз шведский язык изучаю... God middag! – сказала она на полупонятном Кате языке, похожем на немецкий.

– Nej, – кивнул Карлссон и ответил на том же языке. Длинно, и на этот раз совсем непонятно.

– Ах! – воскликнула Лейка. – Я такие сложные фразы еще не понимаю! Так вы – швед, я угадала? – И повернувшись, слегка наклонилась, чтобы собеседник имел возможность заглянуть в ее декольте и убедиться, что бюстгалтера под платьем нет, а если бы и был – то не меньше третьего номера.

Карлссон в вырез не заглянул. Он вообще отвернулся от собеседницы, вернее, посмотрел на Катю, еле заметно подмигнул ей и сказал:

– Нет, я не швед, но я долго жил в Стокгольме. Очень долго.

– А где, можно узнать? Я немного ориентируюсь в Стокгольме, – сообщила она с подчеркнутой небрежностью. – Мы с мамой провели там пару дней прошлым летом.

– На улице Святого Павла.

– Это у Королевского дворца, да? – проявила эрудицию Лейка.

– Нет, район Содермальм.

– А что вы делаете в России?

– Работаю, – сухо ответил Карлссон.

– А что у вас за работа?

– У Карлссона здесь бизнес! – вмешалась Катя.

Неужели Лейка не понимает, что она Карлссону не очень-то интересна.

Лейка не понимала.

– А вы так хорошо говорите по-русски! – проворковала она, придвигаясь к Карлссону потеснее. – И вы сами больше похожи на русского, чем на шведа. У вас, наверное, в роду кто-то из русских эмигрантов. Я угадала?

Что ответил Карлссон, Катя не узнала. Раздался звонок. Явился Сережа, опять навеселе.

– Угадайте, кто пришел! – закричал он с порога. – Привет, девки! Лейка, у тебя сейчас сиськи наружу вывалятся! Хочешь, я...

– Это Сережа, – перебила его Катя. – А это – Карлссон.

– Кар... – Сережа выпучил глаза и выдал. – А я тебя видел, мужик! Ты сырого голубя жрал!

Катя побледнела. Лейка вскочила, ухватила Сережу за руку, улыбнулась Карлссону шикарней, во все зубы, улыбкой: – Простите, господин Карлссон, этого пьяного дурачка! – вытолкала Сережу в коридор и зашипела на него:

– Ну ты и придурок, Сережка! Какие, на фиг, голуби? Какой он тебе мужик! Это бизнесмен шведский, ты, дебил! Быстро пошел и извинился!

– На хрена мне извиняться! – бубнил Сережа. – Если он швед, так все равно ни хрена не понял. И вообще, это моя квартира, что хочу, то и говорю!

– Не твоя, а папаши твоего! – с ходу поставила его на место Лейка. – У тебя, Сереженька, не то что квартиры – даже тачки своей нет. А по-русски Карлссон прекрасно понимает, так что пошел – и извинился!

– Ни хрена я не буду извиняться... – бубнил Сережа.

Весь их диалог был в гостиной прекрасно слышен.

– Что-то гости запаздывают, – громко сказала Катя, расставляя тарелки на скудно накрытом столе. Лицо Карлссона было невозмутимо.

Сережа и Лейка вернулись, красные, как после бани.

– Вы, это, простите, господин Карлссон, – пробормотал Сережа. – Я, типа, обознался.

Карлссон милостиво кивнул, но Сережа сел на всякий случай подальше, на стул.

– Чего расселся? – напустилась на него Лейка. – Иди стаканы из кухни принеси! Не в ресторане!

– Слушай, этот Карлссон, он, наверное, страшно богатый! – прошептала она Кате на ухо.

– С чего ты взяла? – изумилась Катя.

– Ну, он так стильно одет. Эта подчеркнутая небрежность. А туфли? Видела, какие у него туфли? Готова поспорить: ручная работа, авторская.

Тут в дверь снова позвонили. Катя и Лейка бросились открывать. На этот раз пришли сразу четверо. В прихожей стало тесно и шумно.

– Сейчас я тебя буду знакомить, – сказала Лейка. – Народ, это моя подруга Катя. Она теперь хозяйка этой классной студии. Знакомься – Стасик...

– Чего ты паришь, Лейка. Мы же знакомы, – громко возмутился плечистый красавец в двух футболках, одна поверх другой, и художественно продранных джинсах. – Катенька, неужели вы меня забыли?

– Можно на «ты», – ответила Катя, чувствуя себя довольно неловко под взглядом четырех пар изучающих глаз. Вернее, трех – потому что одной из девиц, блондинке в белом брючном костюме, не было до нее никакого дела. Она рассеянно повертела головой, обнаружила зеркало и устремилась к нему, на ходу поправляя прическу.

– Это Димка. Это Диана, – продолжала Лейка. – Вон там, у зеркала, Наташка.

Темноволосый Дима сдержанно кивнул в ответ из-за спин своих товарищей. Его лицо было Кате незнакомо. А Диану Катя сразу узнала. Именно эта монголоидная девушка, одетая по-учительски строго – в коричневый жакет, розовую блузу и коричневую же юбку до середины колена, – предостерегала ее против Лейки и сулила разнообразные жизненные неприятности.

– Привет, Диана, – сказала Катя, обрадовавшись знакомому лицу.

Диана в ответ обшарила ее взглядом с головы до ног, помрачнела и поздоровалась сухо и надменно.

– О, у нас будет студенческая тусня по-английски! – донесся из комнаты голос Сережи. – Би уай оу би?

– Чего? – с подозрением спросила Лейка, – Какая-нибудь очередная гадость?

– BYOB – Bring your own bottle, – пояснил Сережа. – «Каждый приходит со своим бухлом». И с закуской, понятное дело.

Катя, решив, что он намекает на скудный стол, покраснела.

– Вот и принес бы что-нибудь, – сердито сказала она.

– А я сюда не есть пришел, – возразил Сережа. – Пожрать я и дома могу. У меня другие планы.

– Где ты этих английских выражений нахватался? – хмыкнула Лейка.

– Забыла, что ли, папашка же меня зимой на курсы зарядил. Я ж рассказывал! Там у нас препод был – классный чел, только и делал, что хохмил и сленгу нас обучал. Иначе, говорит, скучно преподавать. Зато теперь умею английским матом ругаться...

– Ну еще что-нибудь изобрази! Из сленга, – заинтересовался Стасик.

– Go dutch, – охотно проявил познания Сережа. – Это означает: если приглашаешь девушку в кафе, то платит она. А если заплатишь ты, то она подаст на тебя в суд за сексуальные домогательства.

– Повезло американцам, – поддела его Катя. – Экономия-то какая.

– Конечно, повезло, – грустно согласился Сережа. – У нас народ отсталый, особенно некоторые девчонки...

Как выяснилось, гости все-таки принесли с собой какую-то еду. Совместными усилиями девушек стол был накрыт еще раз.

– У нас фуршет. Берите бутерброды и напитки и располагайтесь где вам удобно, – объявила Лейка, озираясь по сторонам в поисках шведского бизнесмена. Катя тоже оглянулась и увидела, что Карлссон куда-то исчез, а рядом с ней стоит и улыбается красавец Стасик.

– Давай я за тобой поухаживаю. Хочешь я тебе «Кровавую Мэри» намешаю? – предложил он, с удовольствием рассматривая Катю.

– Только не «Мэри»! – испугалась Катя. – У меня на нее аллергия.

– Ну тогда вина, – Стасик перегнулся через стол, дотягиваясь до бутылки. При каждом движении с его стороны накатывалась плотная ароматическая волна. Стасик, похоже, не знал, как пользоваться духами, и умастил себя раз в десять щедрее, чем следовало.

– Ты офигительно выглядишь, – негромко сказал он, наливая вино. – Я тебя сначала даже не узнал! На самом деле ты мне еще тогда, у Сереги, понравилась, – поправился он. – Но сегодня особый вечер. Наша встреча не случайна. Ты это не чувствуешь?

– Я, кроме твоего одеколона, вообще ничего не чувствую, – сострила Катя.

Стасик юмора не понял.

– Классный запах, да? – гордо прошептал он. – Мужской Kenzo, новая коллекция... (Вообще-то Kenzo был отцовский, но Стасик заострять на этом внимания не стал.) Ладно, не о том речь. Речь о судьбе... Нет, я ничего такого в виду не имею... Я хочу сказать: ты сегодня необычайно красива...

Они остановились у окна. Красивой Катю до сих пор называла только мама, и вообще Катю раньше не очень-то осыпали комплиментами, поэтому она не знала, что следует отвечать, и только улыбалась загадочно-иронически.

Похоже, это было то, что надо.

– Ты только не подумай, что я из тех, кто с ходу клеит красивых девушек! – начал оправдываться Стасик. – То есть мне, конечно, нравятся красивые девушки, но у нас другое... Нечто более глубокое... – Тут он совсем запутался в словах, и Катя «пришла ему на помощь».

– Знаешь, умом я понимаю, что это просто болтовня, – кокетливо сказала она. – Что то же самое ты говоришь всем девчонкам, которые тебе приглянулись. Но мне все равно приятно это слышать. Так что продолжай.

– Я говорю совершенно искренне! – возмутился Стасик. – При чем тут другие девушки? Какое отношение могут иметь другие девушки к нам?

Конец предложения был произнесен негромким, почти интимным тоном, после чего Стасик поставил прихваченную со стола бутылку на подоконник и приобнял мускулистой рукой Катину талию.

И тут же за ее спиной раздалось довольно сердитое покашливание.

Стасик убрал руку, а Катя, обернувшись, наткнулась на ледяной взгляд кошачьих Наташиных глаз.

«Ой... он же вроде ее парень...», – оробев, подумала Катя.

– Э-э-э,– протянула Наташа, явно забыв Катину имя,– у тебя в хозяйстве шейкер есть?
– Поищи на кухне, может, и найдется,– выпалила Катя, понятия не имевшая, что это такое.

Наташа кивнула, бросила на Стасика взгляд, способный заморозить горящую бенгальскую свечу, и удалилась. Как айсберг в туман.

Но Стасика ее взгляд не очень-то смутил.

– Прошлый раз я подумал – ничего такая девчонка,– как ни в чем не бывало, продолжал он охмурев, не забыв подлить Кате вина.– Симпатичная, миленькая...

– Ты что, Сережка, совсем дурак! – раздался возмущенный вопль Дианы. Катя даже вздрогнула от неожиданности.

– Ой какие мы нежные! – захохотал Сережа.– Муси-пуси!

– Симпатичная, миленькая... – гнул свою линию Стасик.– Но эти слова не про тебя. Они слишком мелкие. Ну да я пьяный был тогда, сразу не въехал. А теперь...

– Стасик, а где твой магнитофон? – Рядом возникла Лейка.– Ты же обещал магнитофон принести!

– И принес! – недовольно ответил Стасик.– Он в зеленой сумке. И диски там же! Ты танцевать умеешь? – спросил он у Кати.

– Немного.

– Тогда...

– Эй, Катерина! – снова Лейка,– Куда ты спрятала шведа? Стоило на секунду отвернуться, а он уже куда-то делся! Мы с ним только-только нашли общий язык... Ну что такое! Все расползаются, как тараканы...

– Может, он на кухне?

– Ага, пойду гляну.

– Слушай, нам надо встретиться! – решительно заявил Стасик.– Чтобы только ты и я. Сходить в хорошее место, посидеть, поговорить о судьбе... Я знаю здесь поблизости отличный пивняк...

– Возможно, как-нибудь,– пробормотала Катя, нервно оглядываясь в поисках Наташи.

– Стасик, иди на кухню! – опять Лейка.– Тебя Наташка зовет. Никак не может найти какую-то соковыжималку...

Стасик одарил Лейку убийственным взглядом, улыбнулся Кате и удалился.

– Отделались! – с удовольствием отметила Лейка.– Как все-таки утомляют эти парни! Наконец-то двум девушкам можно пообщаться по душам. Ну, давай, выкладывай впечатления. Во-первых, как тебе Стасик?

– Не очень,– призналась Катя.– Какой-то развязный.

– А Димка?

– Не знаю... Мы с ним еще не общались.

– Неужели еще не подошел? А-а-а! Я же тебе говорила, какой он надменный. Понаблюдай, понаблюдай, как он смотрит,– прошептала Лейка, указывая на Диму. Тот стоял у соседнего окна, что-то жевал, с интересом выглядывая наружу, а на девушек не смотрел вообще.– Как он глаза щурит... будто в микроскоп тебя изучает...

Дима, точно почувствовав, что его обсуждают, оторвался от созерцания и неторопливо приблизился к девушкам. Вопреки Лейкиным словам никакой надменности в нем Катя не заметила.

– У тебя тут отличный вид из окна,– сказал он.

«Какой еще вид?» – Катя посмотрела в окно: двор, стена напротив. Совершенно ничего особенного. Наверняка из второго окна вид точно такой же.

Дима поймал ее взгляд и засмеялся.

– Да я не эти имел в виду, а которое на кухне. Ты уже обнаружила площадку?

– Конечно, – кивнула Катя. – И даже вылезала на нее. Вид действительно роскошный.

– Ты там поосторожнее. Этот дом не ремонтировали, наверно, года с семнадцатого. Мы с Серегой в начале лета лазали на крышу – хотели проверить, нельзя ли поверху пройти до его двора. Наверху классно – людей никого, небо, ветер, и весь город как на ладони...

– И как, прошли?

– Вернулись. Страшно стало. Крыша ржавая насквозь – трещит, скрипит, прогибается...

«Ой ли? – усомнилась Катя, вспомнив, как легко и бесшумно перемещается по крыше ее таинственный шведский сосед. – Просто трусили, наверно».

– Я по крышам вообще-то гулять не собиралась, – сказала она. – Хотя мысль интересная.

– Ничего в ней интересного нет! – встревожился Дима. – Ну вот, надоумил. Теперь твоя гибель будет на моей совести.

Катя украдкой поглядела на Диму, пытаясь определить, симпатичен он ей или нет. Решила, что скорее да. «И одеколоном от него не несет», – с одобрением отметила она.

– А почему я не слышу комплиментов моей небесной красоте? – поинтересовалась Лейка, обидевшись, что ее игнорируют.

– Потому что здесь говорят не о девушках, а об архитектуре, – менторским тоном ответил Дима. – И вообще, Лейка, почему ты считаешь, что твоя небесная красота – это центральная тема всех разговоров? Хочешь, мы это обсудим?

– Никогда не заведу роман с психологом! – объявила Лейка, обращаясь к Кате. – Это же сущий кошмар: девушка ему, можно сказать, душу изливает, раскрывается перед ним, а он в это время ее анализирует...

– А если девушка – тоже психолог? – спросила Катя.

– Два психолога непрерывно анализируют чувства и поведение друг друга... – задумалась Лейка. – Это интересно... Нет, никакого романа не получится.

– Вы опять о психологии? – встрял проходивший мимо Сережа. – Знаете анекдот? Объявление на милиции: «Лечим kleптоманию клаустрофобией!»

– Хватит уже, действительно, – проворчал Дима. – Привязались со своей психологией. Будто нет других тем для разговора.

– Да, – поддержала его Лейка. – Кстати, правда, что ты не поступил в Герцена?

– Правда. Честно говоря, даже и не поступал. Забрал документы еще перед экзаменами.

Лейка распахнула глаза:

– И что теперь? Армия?

– Я перекинул документы в универ, – хладнокровно ответил Дима. – Решил рискнуть.

– И как?

– Два экзамена сдал. Еще два осталось. Родителям я пока не сказал, чтобы не нервничали.

– Ну что такое! – пригорюнилась Лейка. – Неужели в педу не будет ни одного нормального парня! Вот и Стасик, оказывается, в финэк поступает.

– Я уже поступил, – сообщил из другого конца комнаты болтавший с Наташей Стасик.

– Вернее, его поступили, – уточнил Сережа. – Блин, везет же некоторым с отцами...

– А ты, Натуся? – крикнула Лейка. – Ты-то хоть с нами?

– Мне все равно, где учиться, – с отсутствующим видом сказала Наташа. – У меня совершенно другой круг интересов. Академическое образование в него не входит. К тому же я, может, в Голландию уеду. Сестра моя, ну вы знаете, вышла туда замуж и меня зовет.

– Ой, Натусь... – Лейка прищурилась, всматриваясь. – Что это такое у тебя на шее?

Наташа, загадочно улыбаясь, вытащила из выреза блузы на свет кулон «языческого» вида.

– Так, один знакомый подарил...

– Какая прелесть! Можно померить?

Катя неожиданно обнаружила, что осталась одна рядом с Димой.

– Ну а ты где собираешься учиться? – спросил он.

– Я... – Катя замялась. Ей вдруг показалось позорным признаваться, что она готовится по второму разу поступать в институт Герцена.

«И вообще я туда не хочу, – подумала она с непонятным ожесточением. – Зачем себя обманывать? Я хочу в универ. Так почему бы не попытаться? Дима же рискнул... а мне, между прочим, армия не светит...»

– Я тоже буду поступать в университет, – решительно сказала она. – На филфак.

– Там, говорят, высокий конкурс.

– Ничего, я справлюсь...

Сзади незаметно подкралась Диана и игриво ткнула Диму пальцем в спину.

– Дии-и-имочка, – пропела она, неприязненно покосившись на Катю. – Мы с тобой сегодня толком и не поздоровались...

– Здравствуй, – сухо сказал Дима. – Воздухом подышать не хочешь?

– Ты меня приглашаешь?

Катя внимательно посмотрела на Диану. Кажется, та была пьяна. Во всяком случае, вела она себя как-то неестественно.

– Иди, проветришься, – сурово сказал Дима. – А потом мы с тобой еще раз поздороваемся.

Диана поймала Катин взгляд и состроила брезгливую гримасу.

– Тебе никто не говорил, что неплохо было бы поменять гардеробчик? – процедила она.

– А этот чем плох? – удивилась Катя.

– Может, у вас в Тамбове и принято ходить разноцветной, как попугай. А питерский стиль – строгость, простота, элегантность. В твоём нынешнем прикиде тебя не примут на работу ни в одно приличное место...

Катя растерялась от такого враждебного напора. Действительно, из трех присутствующих девушек она была одета ярче всех.

«Может, она права, и у меня что-то со вкусом?»

– Ты классно одета, – сказал Дима, заметив ее смятение. – Не принимай близко к сердцу чужие комплексы.

– Кстати, анекдот, – опять вклинился Сережа. – Дети готовят себе маскарадные костюмы. Один говорит – я буду зайчиком, другая – я белочкой. И только одна девочка говорит: а я сделаю себе маскарадный костюм весь коричневый...

Сережа демонстративно окинул взглядом респектабельный костюм Дианы.

– Коричневая кофточка, коричневая юбочка, коричневая шапочка... «И кем же ты будешь?» – спрашивают ее дети. А девочка отвечает: «Я буду какашкой и испорчу вам весь праздник!»

– Иди ты к черту! – в бешенстве крикнула Диана и, вся красная, убежала в сторону кухни.

– Что это с ней? – удивилась Катя.

– Ревнует, – ухмыляясь, сказал Сережа. – Пойду, что ли, утешу ее.

Сережа ушел вслед за Дианой. Дима проводил ее неприязненным взглядом.

– Зачем ты с ней так сурово? – спросила Катя.

– Терпеть не могу людей, которые самоутверждаются за чужой счет, – буркнул Дима. – И вообще Дианка меня утомила. Просто не знаю, что сделать, чтобы она наконец это поняла.

Катя смутилась и промолчала. Полминуты они молча стояли рядом.

– Возможно... – начал Дима.

И тут из кухни раздался страшный душераздирающий вопль Сережи.

«Карлссон! – почему-то сразу подумала Катя, похолодев. – Он его убил!»

Глава двенадцатая

О рационе викингов, слабых и крепких желудках и основе женской привлекательности

– Я такой эль нынче забодяжил, – говорит один тролль, – просто-таки как заново рождаешься.

– Что, и впрямь молодеешь? – удивился другой.

– Нет, ползаешь, писаешься и говорить не можешь.

– Все-таки, мужик... То есть господин Карлссон, я тебя точно узнал! – пьяно ухмыльнулся Сережа, когда они остались на кухне вдвоем. – Нет, ты мне скажи: зачем ты того голубя жрал? Я ведь точно помню: ты его жрал! Солью посыпал и – хруп! – Сережа щелкнул челюстями. – Это что у вас обычай такой – голубей сырьем жрать? Это, типа, от викингов остался, да?

Карлссон молча смотрел на него.

– А-а-а... Я угадал! – обрадовался Сережа. – Викинги – они такие! Я помню! Кровавую пищу берут... нет, клюют под окном... Кровь с мухоморами! Типа, в берсерки? Обычай?

– Да, – неожиданно согласился Карлссон.

– Ага! – еще больше обрадовался Сережа. – Я так и знал! Слышь, Карлссон, я тоже хочу! Хочу в берсерки! Хочу голубя сырьем! Карлссон, поймай мне голубя, а?

– Ты хочешь съесть голубя? – уточнил Карлссон.

– Хочу! Кровавую пищу! Ам! – Сережа опять клацнул челюстями.

Карлссон кивнул и перепрыгнул через подоконник.

Через полминуты он вернулся, сжимая в руке голубя. Голубь был живой, но какой-то снулый.

Сережа сграбастал птичку.

– А где соль? Я помню про соль!

Карлссон протянул ему солонку. Сережа щедро посолил голубя.

– Может, его ощипать? – спросил он.

Но Карлссона на кухне уже не было.

– Не-е... Ощипывать нельзя... – пробормотал Сережа, лицо его приняло хитрое выражение. – Я по-омню! – И сунул голубиную головку в рот.

Раздался пронзительный вопль. Голубь клюнул Сережу в язык.

– Ах ты сука! – завизжал Сережа. – Кусаться, да?! – И с размаху шваркнул голубя о стену. – Карлссон! Карлссон! Он меня укусил!

Но Карлссон не появился. Зато сбежались привлеченные Сережиным криком остальные гости.

– Он меня укусил! – обиженно сообщил всем Сережа, подбирая с пола оглушенного голубя. – Но мы, викинги, то есть берсерки! Никакой пощады врагу! – И вонзил зубы в голубиную шейку...

Столпившиеся в коридоре свидетели того, как Сережа посвящал сам себя в берсерки, молча взирали на ужасное зрелище.

– Ты че, живого голубя...?! – выдохнула наконец Лейка.

Сережа свирепо вытаращил глаза и гордо промычал что-то невнятное. На губах у него налипли перья.

– Сдурел? – закричала Лейка. – Выплюнь немедленно!

– Ну ты прямо как Оззи Осборн, – ухмыльнулся Стасик. – Такой же маньяк.

– Может, у него бешенство? – деловито предположил Дима, не уточняя, впрочем, кого имеет в виду – несчастную птицу или своего приятеля.

У дверей раздался сдавленный стон. Наташа закатила глаза и начала оползать по стенке. Достаточно медленно, чтобы Стасик успел ее подхватить.

За Катиной спиной раздалась какие-то булькающие звуки. Диана, зажав рот ладонью, устремилась в туалет. Сережа с остекленевшими глазами жевал голубиные перья.

– Во дурдом, – растерянно сказала Лейка.

Кате вспомнился категорический приказ Сережиного папы не устраивать в мансарде никаких гулянок, и она впервые подумала, что Илья Всеволодович был глубоко прав.

Дима подобрал уроненного Сережей голубя и выкинул в мусорное ведро.

– Мы пойдем, наверно, – на кухню заглянул Стасик. – Наташка едва живая. Катенька, я музыку пока оставлю, ладно? А потом позвоню. Спасибо за всё.

– Не за что, – рассеянно проговорила Катя.

Однако, вечеринка. Если у них все такие... И не потанцевали.

– Я тоже пойду, – сказал Дима. – Забрать с собой этого птицееда? – указал он на оцепеневшего Сережу.

– Сделай доброй дело! – обрадовалась Лейка. – А мы тут с Катериной приберемся. – Эй, Дианка, ты там жива? – подергала она дверь ванной.

Изнутри донеслись глухие рыдания.

– Она как раз перед этим с ним целовалась, – послышался из прихожей слабый голос повисшей на Стасике Наташи. – С маньяком этим, Сережкой.

Лейка со значением взглянула на Диму. Тот пожал плечами.

– Дианка, вылезай! – закричала она опять. – Он не стоит твоих слез! И вообще, сколько можно занимать сортир! Ты здесь не одна!

Диана не отзывалась. Вернее, отозвалась истерическими рыданиями.

– Дура, и душой помрет, – прокомментировала Лейка.

Дима фыркнул и потащил к выходу невменяемого Сережу. Тот что-то мычал и рвался куда-то бежать.

Катя прошла в комнату, упала на кровать. Она чувствовала, что смертельно устала... И не сразу заметила, что на стуле у окна скромненько так сидит Карлссон.

– Фух! – Лейка плюхнулась на кровать рядом с Катей, закинула ноги на спинку. – Спробовала всех, слава Богу! Дианку на Димку повесила! Чувствуешь, какой я молодец! Пожалуй, я у тебя переночую. Поздно уже.

– Переночуй, – согласилась Катя. – А Сережа?

– Птицеед-то? – Лейка хихикнула. – Тоже выставила. Но этот не пропадет! Ему идти пять минут, а Дианке, прикинь, аж в Купчино.

– Это далеко?

– На машине – полчаса, а если на метро – то прилично. На метро они как раз успеть должны.

– А Дима где живет?

– На Комендантском. Это в другую сторону.

– А он потом как? Метро же закроют! – забеспокоилась Катя.

– Разберется как-нибудь, он же мужик! Вот если бы он меня провожал, я бы, может, его ночевать оставила. На половичке. Как ты считаешь, он симпатичный?

– Половичок?

– Димка!

– По-моему, да.

– А я... Ой, Карлссон! – Лейка быстренько опустила ноги на пол. – Я вас не заметила!

– Меня трудно заметить, я маленький, – очень серьезно сказал Карлссон.

Лейка засмеялась:

– Ну вы скажете! Маленький!

– Я, правда, маленький, – лицо Карлссона было абсолютно серьезно. – Мои родственники, Лейла, намного крупнее меня.

– Ну да, вы же швед! – вспомнила Лейка. – У вас в Швеции все такие... – она широко развела руки, – ...нордические. Если не вьетнамцы! – Она снова захихикала. – Но вы-то точно не вьетнамец. От вас, Карлссон, прямо такая аура силы исходит – просто жуть! – Лейка кокетливо поправила волосы. – Просто эманация мужества! Ой, Карлссон, а может, вы меня до дома проводите?

– Ты же хотела остаться? – напомнила Катя.

– Хотела. Одной идти – страшно. У меня двор знаешь какой!.. А с Карлссоном я ничего не боюсь! Карлссон, вы ведь меня проводите?

Карлссон вопросительно посмотрел на Катю.

– Конечно проводит, – сказала Катя. – Еще не хватало тебе ночью одной ходить.

Карлссон кивнул и встал с дивана. Лейка подмигнула Кате и убежала в прихожую к зеркалу – прихорашиваться.

– Ты, кстати, не голодный? – спросила Катя. – Что-то я не видела тебя за столом...

Карлссон остановился:

– А что, осталась еда?

– У меня дома целый холодильник еды, – высунулась из прихожей Лейка. – Креветки, кальмары, мидии. Если вы голодны, Карлссон, я состряпаю паэлью. Можно даже со свежими ананасами. Выпьем отличного рейнвейна...

Карлссон стоял в задумчивости. Видно было: он что-нибудь съел бы прямо сейчас.

– У меня вроде лежит полкило ветчины! – вспомнила Катя. – Стас приволок целый окорок, а мы его так и не нарезали. Или это Дима принес?

– Окорок? – оживился Карлссон и решительно вернулся обратно на диван. – Тащи.

Лейка состроила недовольную гримаску, но через секунду улыбнулась и тоже под села к столу.

– Возьми сам, ладно? – сказала Катя. – А то у меня уже никаких сил не осталось...

– Сидите, пожалуйста, – Лейка вскочила. – Я сейчас порежу и принесу сама.

Катя откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. Она устала так, что могла в любую минуту уснуть.

Лейка вернулась на удивление быстро, неся большое блюдо с ветчиной. Ветчина была нарезана, красиво разложена и даже присыпана зеленью.

– Угощайтесь, – по-хозяйски предложила Карлссону Лейка. – А сейчас будет сюрприз!

Лейка снова ушла на кухню и вернулась, неся батон и запотевшую бутылку пива.

– Мы же вроде всё выпили, – удивилась Катя

– Ее кто-то в морозилку засунул и забыл, – объяснила Лейка, – Погодите, сейчас оттает... Карлссон, вы любите пиво?

– Люблю, – сказал Карлссон. Он был занят – делал себе бутерброд. Впечатляющее зрелище. Карлссон разорвал батон вдоль на две части, положил внутрь всю ветчину, какая поместилась, придирчиво оглядел гигантское кулинарное сооружение – и откусил сразу треть. Катя и Лейка наблюдали с немым почтением.

– Пиво и мясо, – невнятно повторил он, жуя ветчину. – Это я люблю!

Лейка открыла бутылку и протянула Карлссону с обольстительной улыбкой. Карлссон высосал ее одним глотком и закусил второй половиной бутерброда. Лейка была потрясена.

– Ах, какой аппетит!

– Трудно прокормить,– заметила практичная Катя.– Три раза в день по полкило ветчины...

– Я не привередливый,– дожевывая, промычал Карлссон.– Лишь бы это было мясо, а чье оно – менее важно. А пива еще нет?

– Это всё,– грустно сказала Катя.– Еды в этом доме больше нет. А мне еще надо чем-то завтракать.

– А булка? – возмутилась Лейка, не переставая внимательно следить за Карлссоном.

– Напоминаю,– сказала она.– У меня полный холодильник морепродуктов. Хотите, Карлссон, мы по дороге купим хорошего пива, мяса... я вам бифштекс поджарю...

– Хочу,– незамедлительно ответил Карлссон. И направился к дверям.

– И как ты не устала,– зевая, проговорила Катя.– Я с ног валюсь, а ты еще чего-то жарить собираешься... Кстати,– вспомнила она,– не хочешь помочь мне прибраться?

У Лейки вытянулось лицо.

– Катька, в другой раз,– зашептала она.– Ну какая уборка! Он же не будет меня дожидаться!

– Да зачем тебе вообще уходить? Оставайся!

– Ничего ты не понимаешь...

– Мы идем? – донесся из прихожей голос Карлссона.

Лейка прервалась на середине фразы и упорхнула из комнаты.

Через минуту дверь захлопнулась, и Катя осталась одна. Если не считать горы грязной посуды. М-да... Вечеринка, можно сказать, «удалась на славу».

Катя не знала, что самые мрачные последствия сегодняшнего вечера проявятся только через два дня.

Глава тринадцатая, в которой на Катю обрушивается гнев Большого Босса, но потом все загадочным образом устраивается

Вот хитрая тактика эльфов:

Если ты близко, показывай, будто ты далеко; если ты далеко, показывай, будто ты близко; если ты пользуешься чем-нибудь, показывай, будто ты этим не пользуешься; заманивай добычу выгодой; приведи ее в расстройство и бери ее; если добыча сильна, уклоняйся от нее; вызвав в ней гнев, приведи ее в состояние расстройства; приняв смиренный вид, вызови в ней самомнение; если их много, и они дружны – разъедини; нападай, когда они не готовы; бери их, когда они не ожидают.

А у троллей тактики нет. Они просто ловят и едят.

Как потом выяснилось, их заложила Наташка. Не то чтобы специально. Не удержалась: рассказала матери, как Сережа голубя угрыз. Типа, как приколы. А мать Наташкина тоже кому-то проболталась. Так что уже на следующий день история добралась до Сережиного папаши. Сколько в ней было правды – неизвестно. Но – хватило.

Через два дня после веселья с голубями в мансарду притащился мрачный Сережа и сообщил, что Катю желает видеть его папаша.

Причем, поганец такой, не сообщил, что папаша осведомлен о происшедшем. Проямлил что-то невнятное: мол, поговорить желает и все, так что Катя отправилась за ним в полной уверенности, что самая большая неприятность, которую следует ожидать, – то, что ей попытаются навязать какую-нибудь дурную работу.

Как бы не так!

Она еще порог кабинета переступить не успела, как Большой Босс начал орать.

Орал, что Катя обманула его доверие! Что устроила в доверенном ей помещении притон наркоманов! Что он ее, Катю, коварную обманщицу и расхитительницу казенного имущества, призовет к ответу! Что она ему до пенсии долги возвращать будет! До ее пенсии, если кто не понял! Да она еще не знает, кого она посмела обмануть! Да ее...

Катя слушала вопли Босса минут пять, потом ей это надоело и, угадав момент, когда Босс прервался, чтобы набрать воздуха, решительно заявила:

– А что вы на меня кричите! Вот рядом ваш сын стоит! Он в этой мансарде и до меня всякие сборища устраивал для всей компании. И сейчас – тоже. Если вы против – так ему и скажите! Можно подумать, мне большое удовольствие – за всей оравой посуду мыть!

От ее выступления Сережин папаша на некоторое время потерял дар речи. Меньше всего он ожидал, что эта голубоглазая малявка посмеет возражать Ему!

И в образовавшейся паузе успел прорезаться Сережа:

– Не верь ей, папа! Все она врет! Ничего она...

Бац! – Отцовская длань смачно приложилась к Сережиной физиономии.

– А ты вообще заткнись, недоумок! Позор моего рода! Ты еще дебильнее, чем твоя мамаша! Сколько денег трачу на вас, паразитов! Хоть бы слово благодарности! Хоть бы...

Сережа скулил, держась за глаз. И предусмотрительно помалкивал. Катя тоже. Она на всякий случай отодвинулась подальше. Оба ненормальные: что сын, что отец...

Папаша костерил сына минут пятнадцать. Катя узнала, что Сережа в юные годы приворовывал и страдал энурезом, что позорно удрал из секции по каратэ, куда привел его отец, желавший сделать из сына «мужика». Узнала также, что Сережа «дегустировал» наркотики, поцарапал крыло у отцовской машины и прочие пикантные факты.

Перечисляя все это, папаша слегка выдохся и когда наконец переключил внимание на Катю, то ограничился кратким:

– Ты уволена! Сегодня сдашь все по описи – и убирайся. Если чего-то не хватит – сядешь в тюрьму! Я тебя...

Тут на столе заворковал селектор, и приторно-сладкий голосок секретарши сообщил:

– Илья Всеволодович, через три минуты у вас – господин Селгарин!

– Ах черт! – выругался Сережин папаша. – Что ж ты тянула до последней минуты, дура! Вы оба – пошли вон! – скомандовал он Сереже и Кате. – Сидеть там, в приемной, ясно?

Они вышли. Катя была в таком состоянии, что не обратила внимания на двух шикарно одетых мужчин, проследовавших в кабинет мимо вытянувшегося по стойке смирно охранника и угодливо изогнувшейся секретарши. Отметила только краем сознания, что у одного – длинные, как у женщины, и совсем светлые волосы.

– Ну ты и дура! – злобно промычал Сережа. – Теперь папка тебя точно уроет! Людка, дай медяшку какую-нибудь! – потребовал он у секретарши.

– Опять в глаз получил? – без всякого сочувствия спросила секретарша. – Мамочке побужишь жаловаться – «фонарь» тебе пригодится.

Охранник засмеялся. Похоже, хозяйского сына здесь не очень уважали.

– А ты не огорчайся, крошка, – сказал охранник Кате. – Это плохое место, я же тебе говорил.

Зазвонил его телефон.

– Да, – сказал охранник. – Да, Илья Всеволодович, – охранник посмотрел на Катю. – Да, я все понял.

Едва он отключился, по селектору раздался голос Босса:

– Людмила, зайди!

– Чаю требуют! – сказала секретарша, покинув кабинет. – И кофе. Могу и тебе сделать, – она с сочувствием поглядела на Катю. – Селгарин – это надолго.

– Тогда я пойду, – заявила Катя, поднимаясь.

Тут же встал и охранник.

– Сядь, – сказал он.

– Это еще почему же? – возмутилась Катя.

– Потому что начальник велел тебя не выпускать!

– Я хочу уйти! – повысив голос, заявила Катя. – И вы не имеете права меня не выпускать!

– Тише, тише! – примирительно сказал охранник. – Просто подожди немного, ладно? Людочка тебе кофе сделает...

– У меня конфеты вкусные! – ласково проговорила секретарша. – А хотите, Катенька, ликера вишневого рюмочку? У меня – есть! Для особых случаев! – Секретарша сейчас сама была похожа на вишневый ликер: вишневая помада на губах и улыбка – слаще не бывает. – Не стесняйтесь, Катенька! Это не Ильи Всеволодовича ликер, а мой. И конфеты тоже мои.

Катя ругнула себя за то, что раньше думала о ней плохо.

Секретарша выставила на стол сверкающую коробку... К которой тут же потянулся Сережа...

Но Людмила быстро отодвинула коробку.

– Перебьешься!

Обиженный Сережа фыркнул и ушел в туалет.

– Людмила, ты там не уснула? – прорычал селектор.

– Сейчас, Илья Всеволодович! – бархатным голосом ответила секретарша. Подхватила чашки и исчезла в кабинете.

– Ты угощайся,– сказал охранник Кате.– Босс когда не в духе – это не для слабонервных! Что там такое у тебя произошло, на Невском, 52? Этот начудил? – кивок в сторону туалета, где заперся Сережа.

– Угу,– сказала Катя.– Напился и голову у дохлого голубя отгрыз!

Охранник захихикал, потом сказал, посерьезнев: – Ты с этим,– кивок на туалет,– поосторожнее! У него крыша конкретно течет, а ты – девушка слабая, защитить тебя некому...

– И вовсе я не слабая! – возмутилась Катя.—

И защитить меня – есть кому! – Это она о Карлссоне вспомнила. И правда: если он киллер или вроде того, ему только слово сказать, и все тут...

– Ты конфеты кушай,– сказал охранник.– Сахар для мозгов полезен. А в чай лимон положи. Это витамины.

Вернулась секретарша. Даже сквозь грим видно было, как порозовели ее щеки.

Молча достала две рюмки, налила себе и Кате.

– Тебе не предлагаю,– сказала она охраннику.– Ты при исполнении. А этот где? Не бежал?

– На толчке орлуется! – сказал охранник.– Ну что там?

– Нормально всё. Вы пейте, Катенька, не беспокойтесь. Всё будет в порядке. А Илья Всеволодович выйдет минуток через десять, с вами договорит.

«„Договорит“ как же!» – подумала Катя, но рюмочку ликера выпила. Даже две рюмочки. Вкусно!

Большой Босс вышел из кабинета один и – какой сюрприз! – он снова обаятельно улыбался!

– Я виноват, Катенька! – заявил он.– Меня обманули! Вы меня простите? Вы меня должны простить! Просто обязаны! Людмила, где этот оболтус?

– Там, Илья Всеволодович! – жест в сторону туалета.

– Ах он... Ну да Бог с ним! Так вы простите меня, Катенька?

Катя молчала. Не очень-то она верила в «раскаяние» Сережиного папаши. Наверняка какую-то новую гадость замыслил.

– Вижу, вы мне больше не верите,– вздохнул Большой Босс.– Но я вам верю! Теперь – верю. Будем считать, что вы успешно прошли испытательный срок. Вы рады, Катя?

Катя неопределенно пожала плечами.

– Вот и отлично! – просиял Сережин папаша.– С этой минуты вы больше не стажер, а полноправный офис-менеджер! С окладом, ну, допустим... Двести... Нет, двести пятьдесят долларов в месяц! Это, разумеется, не предел. Я уверен... Да, кстати, Людмила, когда у нас в этом месяце аванс?

– Как всегда, Илья Всеволодович, двадцать восьмого числа.

– То есть завтра! Завтра, Катенька, можете приходить за авансом! Людмила, позвони в бухгалтерию, пусть Катеньку впишут в ведомость. Скажешь, я распорядился...

Он еще минут пять осыпал Катю комплиментами и строил грандиозные схемы ее карьерного роста. Катя помалкивала. Смотрела поверх его головы в черный объектив телекамеры, кушала Людмилины конфеты... Сережа отсиживался в туалете.

Из офиса Катя вышла в полном недоумении. Она не могла представить, с чего это вдруг Сережин папаша так рассиропился. Может, ему позвонил родитель еще какого-нибудь участника вечеринки? ...Папа Стасика, например?

Впрочем, уже через полчаса Катя перестала ломать над этим голову. Все обошлось – и хорошо. Может, завтра, когда придет за деньгами (деньги – это тоже хорошо), она что-нибудь выяснит...

– Молодец, Илья! – Расположившийся в директорском кресле мужчина отключил видеозапись, вынул диск и передал своему спутнику.

– Рад услужить, Эдуард Георгиевич!

– Больше ничего по отношению к ней не предпринимай, – сказал мужчина, вставая. – Пусть все идет как идет.

– Все, как вы скажете, Эдуард Георгиевич!

Он проводил мужчину и его спутника до дверей, но когда они вышли, сразу перестал улыбаться.

– Никого не пускать, ни с кем не соединять! – бросил он секретарше. – Оболтуса, – кивок на туалет, – домой!

Захлопнул дверь, полез в сейф, достал бутылку виски, наполнил до краев чашку из-под кофе (первое, что попало под руку) и махом выпил...

– Он такой красавчик, этот Селгарин... – мечтательно проговорила секретарша. – Просто как в кино!

– А по-моему, он гомик, – ревниво заметил охранник. – Духами от него несет...

– Что б ты понимал! – сказала секретарша. – Это мужские духи! Крутейший парфюм! Последняя версия Хуго! Знаешь, сколько такие стоят? Это тебе не лосьон для бритья! А цвет у него натуральный! Уж я в этом разбираюсь, можешь мне поверить!

– Я верю, – не стал спорить охранник. – Но все равно на пидора похож... – проворчал он себе под нос.

– Грубый ты, Васька! – сказала секретарша. – И «пидор» – это невежливо. Надо говорить – «гей».

Оба засмеялись.

– Думаешь, он клюнул? – спросил тот, о ком они говорили, у своего спутника.

– Уверен! А ты?

– Я? Я бы точно не удержался! – Эдуард Селгарин (впрочем, это имя он носил сравнительно недолго) негромко засмеялся. – Эта малышка – чудо!

– Да, – сказал его спутник. – Удивительное создание. Редкая жизненная сила.

– Совпадение? – предположил Селгарин. – Или...

– Или, – сказал его спутник.

– Только я тебя прошу, Аль, держись от нее подальше, – озабоченно проговорил Селгарин. – Я сам всё сделаю.

– Пометь ее, – сказал его спутник. – Мало ли...

– Он может заметить! – напомнил Селгарин.

– Ну и что?

– Риск увеличится многократно, – заметил Селгарин.

– Ты – в отличной форме, ты справишься.

– Твоими стараниями, – Селгарин засмеялся. – Но он – сильнее. Он всегда был сильнее!

– Был, – сказал его спутник. – Не бойся. Теперь – не старые времена. В мире высоких технологий замшелый булыжник не котируется.

– Надеюсь, – сказал Селгарин. – Но лучше бы нам отыскать его раньше, чем он отыщет нас. Натравит на нас Хищника...

– Нет, – покачал головой его спутник. – Со мной он пожелает разобраться сам, а тебя никакой Хищник не учует сквозь такое амбрэ!

Оба рассмеялись. Один – мелодично. Второй – сухим смешком. Будто песок пересыпали.

Глава четырнадцатая, в которой Катя приезжает на свидание на «порше» и знакомится с японской кухней

– Помню, молодой был – бочку пива одним глотком! – говорит один тролль другому.

– А теперь – чего? – спрашивает тот.

– А теперь не могу. Голова в бочку не пролезает.

«Ах, где ты, прекрасная фея?» – уныло думала Катя, глядя на себя в зеркало. Теперь, без макияжа, она казалась себе совершенно неинтересной, невзрачной. Вдобавок на лбу и подбородке появились какие-то красноватые пятна – должно быть, аллергия на косметику.

«Не надо было смывать макияж мылом, – думала она, осторожно прикасаясь к покрасневшей коже. – И вообще это нечестно – красота на один вечер. Вчера я принцесса, а сегодня снова Золушка. А если опять захочу стать принцессой – пожалуйста, двести долларов. Может, у меня раньше и не было комплексов насчет своей внешности, так теперь наверняка появятся... А тут еще и свидание – так некстати!»

Накануне Кате позвонил Стасик и пригласил ее после работы зайти в какое-нибудь кафе. Катю его звонок удивил и порадовал – она-то решила, что он о ней забыл.

Катя, не раздумывая, приняла приглашение. Но теперь, мрачно глядя на себя в зеркало, засомневалась – хочется ли ей завязывать отношения с этим парнем. А если да – то стоит ли показываться ему с таким лицом.

Стасик... Все ее подруги хором сказали бы – это твой шанс, дура! Возможно, к хору присоединилась бы и мама. Одобрил бы Стасика папа? Тут у Кати твердой уверенности не было. С девической точки зрения, Стасика, безусловно, можно было назвать парнем мечты. Но, положив руку на сердце, Катя не могла сказать, что Стасик – это парень именно ее мечты. Гораздо охотнее она пообщалась бы с тем же Димой – просто погулять, поговорить, безо всяких там кафе и прочих развлекательных мероприятий. Но само по себе Стасиково внимание ей льстило. Раньше, в школе, сама мысль о том, что на нее может пасть благосклонный взор такого красавца, как Стасик, повергла бы Катю в трепет... Однако теперь что-то изменилось, и вместо восторга Катя испытывала всего лишь умеренную радость, вдобавок несколько подпорченную мыслью о Наташе.

Бегать на свидания с чужим парнем было как-то непорядочно.

«В конце концов он же не замуж меня зовет. Мы просто пообщаемся, – думала Катя, роясь в одежде. – Выпьем по молочному коктейлю, поговорим о судьбе, или о чем он там хотел. В общем, видно будет».

Катя надела джинсы и застыла, держа в руках полюбившуюся ей «глазастую» футболку. В каком-то историческом романе она прочитала, что девушка не должна дважды выходить в свет в одном и том же туалете. После долгих колебаний она выбрала белую блузу из вискозы – самую нарядную вещь из тех, что она привезла из Пскова.

«Питерский стиль – простота и элегантность!» – объявила она своему отражению в зеркале – хорошо знакомой псковской школьнице с шелушащимся носом.

За обещанными деньгами Катя приехала около двенадцати. Деньги эти пришлись очень кстати, поскольку гонорар за переводы должны были заплатить лишь через неделю.

В офисе Катя застала только Людмилу и незнакомого охранника, пожилого и лысого, впустившего ее и сразу же уткнувшегося в спортивную газету.

– Босса нет,– сказала Людмила.– И денег тоже нет. Но будут. За ними в банк поехали. Чаю с печеньем хочешь?

– Ага,– оставшиеся с вечеринки закуски Катя подъела еще вчера. Сегодня она завтракала чаем с сахаром и последним кусочком черствой булки.

– Бровки подправила? – спросила Людмила.– Умница. В нашей работе внешность – это всё.

Минут через сорок мелодично пропел домофон.

«Ну наконец-то!» – подумала Катя.

Но это был не Сережин папа.

Людмила глянула на экранчик, воскликнула «Ой!», выхватила из стола зеркальце, уронила обратно, вскочила...

– Иваныч, открывай быстро! Селгарин! О Господи! А я... Здравствуйте, Эдуард Георгиевич! А Ильи Всеволодовича нет! Они в банк поехали!

– Ничего, я подожду.– Голос у вошедшего был очень красивый: певучий, богатый обертонами, и сам он тоже был настоящий красавец (на этот раз Катя рассмотрела его как следует): высокий, стройный, элегантный. Длинные светлые, очень ухоженные волосы волнами падали на плечи, глаза отливали густой синевой, и весь его облик отличался каким-то старинным благородным изяществом.

«Ему бы очень подошла трость»,– подумала Катя.

– Вот, Эдуард Георгиевич, наш новый сотрудник, Катенька! – представила Катю Людмила.– Будет офис-менеджером на Невском, пятьдесят два.

– Очень хорошо,– Селгарин улыбнулся Кате.– Откройте мне кабинет, Людочка,– попросил он.

– Ой, минутку... – Людмила засуетилась, нашла ключи, отперла кабинет босса.– Вам как обычно?

– Да, пожалуйста.– Дверь закрылась.

– Пьет только зеленый чай,– шепотом сообщила Людочка Кате.– Причем без сахара.– Она достала расписной глиняный чайник, красивую коробочку с чаем... – Вот, специально для него держу!

– А это кто? Тоже у Ильи Всеволодовича работает?

– Да ты что! – Людмила махнула рукой, словно отгоняя прочь Катины слова.– Это Илья Всеволодович у него работает.

– А я думала – он директор...

– Он и есть директор! А Селгарин – ХОЗЯИН! И нашей фирмы, и еще трех!

Она залила чай кипятком, поставила на поднос заварной чайник, обычный электрический, фарфоровую пиалку – и упорхнула в кабинет.

Катя задумчиво посмотрела ей вслед.

Таких, как Селгарин, она не встречала никогда. Может, видела в кинофильмах. Американских.

А Большого Босса, оказавшегося, как выясняется, не таким уж большим, всё не было. Катя начала беспокоиться. В три у нее встреча со Стасиком. Не опоздать бы...

Босс приехал без двадцати три, узнал, что Селгарин ждет его почти час, выругался шепотом, но тут же нацепил на физиономию широченную улыбку и нырнул в свой кабинет. Минут через пять оттуда вышел Селгарин, улыбнулся Людмиле и Кате, небрежно кивнул охраннику, бросившемуся открывать дверь, и удалился. Еще через минуту Большой Босс вызвал Катю в кабинет, вручил ей конвертик с деньгами, заставил пересчитать (в конвертике оказалось две тысячи рублей), поздравил с первой зарплатой и отпустил Катю восвояси. Когда Катя выбежала из офиса, на часах было уже без десяти три. Катя катастрофически опаздывала.

– Катенька! – У входа в арку стояла очень красивая белая машина без крыши. За рулем сидел Селгарин. Сиденья в машине были обшиты белой кожей, даже на вид такой приятной, что хотелось немедленно ее погладить.

– Вижу, вы торопитесь. Если недалеко – подвезу, хотите?

– Да я... Спасибо, я сама, – засмутилась Катя.

В свое время мама внушила ей железное правило: никогда не садиться в машину к незнакомому мужчине. Особенно – в дорогую машину. Но Селгарин вроде как и не незнакомый. Более того – он ее, Катину, начальство. Вдобавок Катя действительно спешила...

– К Казанскому – это далеко? – нерешительно спросила она.

– Если к вокзалу, то далековато, а если к собору, то нет! – Селгарин засмеялся и распахнул дверцу. – Садитесь же!

Катя села – и ее тут же вдавило в спинку. Машина рванулась с места, вписалась в поток (под возмущенные гудки сзади), мгновенно набрала скорость и запетляла между автомобилями. Селгарин бросал ее из стороны в сторону с небрежной легкостью, держа руль одной рукой, даже не рукой – двумя пальцами. Второй он, не глядя, «играл» на клавишах магнитолы, если сияющий огоньками музыкальный блок можно было назвать магнитолой.

До Кати наконец дошла его шутка о вокзале, и она улыбнулась.

– Уже лучше, – похвалил Селгарин. – Такая красавица, как вы, Катя, должна улыбаться, а не хмуриться!

«Льстит, – подумала Катя. – Причем льстит примитивно».

«Увезет, обесчестит и хорошо если не убьет» – всплыло в памяти мамино предубеждение против мужчин на дорогах автомобилях.

Разумеется, это оказалось всего лишь одной из маминых «страшилок». Ничего фатального не случилось. Селгарин остановил машину напротив Дома книги. Прощаясь, поцеловал ей руку. Вернее, запястье. Причем поцелуй этот чуть-чуть затянул. Потом отпустил ее руку и улыбнулся как-то очень по-доброму, как родной. Катя тоже улыбнулась, сказала «большое спасибо» и вышла из машины, все еще ощущая запястьем прикосновение губ Селгарина. Вышла – и сразу столкнулась со Стасиком.

Стасик приветствовал Катю весьма фривольно: приобнял, небрежно чмокнул в щеку – как будто так и надо.

– Кто это тебя подвозил? – спросил он, провожая взглядом белый кабриолет.

– Так, один знакомый, – загадочно сказала Катя.

– Крутая тачка, – с почтением выговорил Стасик. – «Порше», да?

– Я в этом не разбираюсь, – Катя испугалась, что сейчас начнется монолог об автомобилях. – Куда пойдем? Ты вроде хотел в какое-то кафе?

Перед внутренним взором Стасика возник сумрачный прокуренный зал пивняка на Сенной, куда он намеревался сводить Катю. У него промелькнуло смутное ощущение, что интерьер его любимой пивнухи не вяжется с Катиным воздушным обликом и дисгармонирует с белым кабриолетом.

– Пошли пройдемся по Казанской, – предложил он. – Прикинем, что нам понравится, зайдем, выпьем шампанского...

– Это не обязательно, – возразила Катя. – Можно просто купить каких-нибудь пирожков и погулять. Погода-то хорошая! Может, съездим искупаемся? Где у вас в Питере городской пляж?

У Стасика были свои планы на сегодняшний вечер вообще и на Катю в частности – традиционная развлекательная программа, начинавшаяся обычно с легких спиртных напитков, а заканчивающаяся утренней сигаретой в постели. В данном случае – в постели, располагавшейся на некоей мансарде с видом на Невский проспект. Поход на пляж, конечно, имел свои

преимущества, поскольку позволял Стасику продемонстрировать спортивную фигуру и плавательные навыки, а также убедиться в телесных достоинствах спутницы. Ну и еще кое-что... по обстоятельствам. Но пляж был элементом другой программы, требовавшей специальной подготовки и несколько большего времени. А нынешнюю следовало начать с какого-нибудь бара, добавить в другом, часиков в одиннадцать отправиться потанцевать в ночной клуб, а там уже пойдет по накатанной.

Катя понятия не имела о том, какую программу приготовили ей на вечер и что планируется «на десерт», но у нее было отличное настроение и желание «развлекаться». То, что ее понятие «развлекаться» существенно отличалось от Стасикового, она еще не знала.

Они обошли колоннаду собора и направились по Казанской. Метров через сто справа над зеркальными окнами показалась иероглифическая вывеска.

– Что там? – с любопытством спросила Катя.

– Суши-бар, – пояснил Стасик. – Ты когда-нибудь пробовала суши?

– Нет, а что это?

– Японская кухня, – Стасику пришло в голову, что посещение суши-бара – неплохой способ произвести на провинциалку нужное впечатление и хотя бы отчасти затмить кабриолет. – Зайдем?

– Я в этом ничего не понимаю, – призналась Катя.

– Ерунда! Я тебе все расскажу и покажу. Пошли, тебе понравится!

– Ну пошли, – согласилась Катя.

В этом заведении Стасик никогда не был, но, держа марку, старался выглядеть завсегда-таем. Уверенно проследовал через ресторанный зал, где было накурено, шумно и очень людно, в почти пустой суши-бар.

На Катин взгляд, зал был оформлен бедновато, но чистенько: длинные столы из полированного дерева, деревянные лавки, с потолка свисали разноцветные матерчатые плакаты с иероглифами. Официантка восточного вида в кимоно с поклоном подала Кате меню и удалилась семенящим шагом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.